

АЛЕКСАНДР БАЧИЛО

АКА
ДЕМОН
ГОРОДОК

Александр Бачило

Академонгородок.
Роман в происшествиях

«Издательские решения»

Бачило А. Г.

Академонгородок. Роман в происшествиях / А. Г. Бачило —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851305-3

Чтобы встретить черта, нужно в него поверить. Пока люди верили в нечистую силу, той тоже жилось вольготно. Но наступила эпоха научного мышления, и потусторонним силам пришлось вступить в жестокую борьбу за существование. Борьба разворачивается в научном городке, только что выстроенном посреди глухой тайги. Страшные чудеса заставят людей поверить в могущество дьявольской армии. Но вместе с этой верой приходит и другая — неистребимая людская надежда на спасение и помощь со стороны сил добра...

ISBN 978-5-44-851305-3

© Бачило А. Г.
© Издательские решения

Содержание

1957. Пролог	6
1960. Бригадир	9
1970. Инъекция счастья	26
1976. Накхта	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Академонгородок

Роман в происшествиях

Александр Геннадьевич Бачило

Дизайнер обложки К.А.Терина

© Александр Геннадьевич Бачило, 2017

© К.А.Терина, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1305-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1957. Пролог

Черные ели со всех сторон обступили скалу, заостренную ветрами, похожую на гнилой клык. Свет луны хлестал ее, раскаляя бурый камень до молочной белизны. Ни одной души человеческой не теплилось вокруг, и только могильный холмик у подножия скалы да истлевший крест над ним напоминали о том, что и сюда уже забирались люди...

Но это был обман. Никто сюда не забирался. Никогда нога человека не мяла сухой хвой под ветвями черных елей. Укромное место. Потаенное.

В полночь тревожно заухали совы в лесу, по вершинам деревьев пронесся короткий вихрь. Пошатнулся крест, вспучилась могильная земля, пошла трещинами, и, наконец, рассыпался холмик, уступая натиску из недр. Обитатель тесной могилы выбрался на поверхность и принялся отряхивать землю с одеяния, некогда богатого, но сильно пострадавшего от времени и сырости. Глаза его, угольками горящие в темноте, внимательно обшаривали непроглядную глубину чащи. Он всматривался во мрак, словно ждал оттуда чего-то.

– Зачем подняли меня с постели? – ворчливо бормотал он, – Кому опять понадобился Стылый Морок? И где же вызвавший меня? Убежал за край земли от страха?

Что-то огромное шевельнулось вдруг за его спиной. Стылый Морок живо обернулся и сразу заметил, как пучится, раздувая круглые щеки, нависшая над ним скала. Уже и нос был виден на каменном лице, и тяжелые замшелые веки дрогнули, как у пробуждающегося от сна человека.

– Уф-ф! – вздохнул великан и открыл глаза. – Ты здесь, Стылый?

– Здесь, – ответил вышедший из могилы и, глянув исподлобья в глаза великана, добавил:

– К твоим услугам, Владыка.

Каменные губы скривились в довольной усмешке, из хрустальной глубины глаз брызнули веселые отблески.

Стылый Морок нахмурился. Он ждал ехидных намеков на те давние события, когда за попытку возвыситься ему было определено навеки оставаться в подчинении. Но великан погасил неприятные искры и, став серьезным, заговорил совсем о другом.

– Я вызвал тебя сюда, чтобы побеседовать без помехи. Речь моя предназначена для одной лишь пары ушей, и я вовсе не хочу, чтобы ее пересказывали в каждом склепе. Надеюсь, и ты будешь сдержан, узнав, в чем суть дела. Но прежде скажи: давно ли был ты в последний раз среди людей?

Морок быстро глянул в лицо великану.

– К чему этот вопрос? – спросил он.

– Отвечай же! – проскрежетал каменный голос.

– Кому, как не Владыке и Судие Ближнего Круга знать, когда и за что я был навеки лишен права выходить к людям?

– Времена меняются, Стылый. Возможно, скоро тебе придется снова жить среди них... выполняя волю Тартара.

Стылый Морок криво усмехнулся.

– Так вот зачем весь этот маскарад! Могила, крест... Я было решил, что это в насмешку...

– Увы, нам теперь не до смеха... – великан пожевал каменными губами, будто борясь с последними сомнениями. – Да, я намеренно напомнил тебе о людях...

– Какие речи я слышу, о, Владыка! – воскликнул Морок, не в силах скрыть иронии. – Великий Тартар заинтересовался человеком? А как же догматы? Как же расходящиеся пути? Как же сонмы духов, развеянные за одну лишь мечту о жизни земной? Право, я удивляюсь столь глубокой перемене за столь жалкое количество веков!

– Глупец! Люди также безразличны Тартару сейчас, как и в твои времена. Но они начинают нам мешать, лезут в соискатели...

– Соискатели чего? – живо спросил Морок.

– Неважно, чего. Награды. Приза. Почетного права... Тебя это не должно интересовать, никакой личной выгоды ты не сможешь извлечь – претенденты назначаются не нами.

– Ого! – Морок был по-настоящему удивлен. – Кто же осмелился задавать Тартару условия игры?

– Никто, – отвечал великан. – Это игра самой Вселенной. Но Тартар победит в ней, как всегда побеждал до сих пор. У нас есть свои методы...

– Ну да, – снова не удержался Морок. – Я себе представляю, что это за методы!

Он тут же умолк и опасливо покосился на Владыку, но тот лишь улыбался с самым приветливым видом, если только скала, похожая на гнилой клык, может выглядеть приветливо.

– Это очень удачно, Стылый, что ты представляешь себе наши методы. Ведь именно тебе и придется применять их долгие годы...

– Долгие годы? Да так ли уж велик приз, чтобы из-за него...

– Если Вселенная, на твой взгляд, достаточно велика, то велик и Приз. Если будущее ее имеет какое-либо значение, то значителен и Приз.

– Выходит, речь идет о будущем Вселенной? – спросил Морок.

Владыка в ответ презрительно усмехнулся.

– Не беспокойся за Вселенную. – сказал он. – Подумай лучше о себе. Если мы проиграем, ты окажешься сказочным пугалом, н и к о г д а не существовавшим в действительности. Просто выяснится, что тебя н е б ы в а е т.

– Как и всего Царства Тартара... – задумчиво проговорил Стылый.

– Да, черт возьми, как и всего Царства! – рявкнул великан, и черные ели поклонились до земли, а с вершины скалы сорвался огромный камень. – Прекрасная возможность отомстить сразу всем своим обидчикам, не правда ли?

– О, не гневайся понапрасну, могучий Владыка! – Морок прижал костлявые пальцы, униженные перстнями, к истлевшей груди. – Мне и в голову не приходило мстить кому-либо из моих судей! Ведь не безумец же я, в самом деле! И не больше вашего люблю людей, навлекших на меня тяжкое наказание. Я согласен стать шпионом и устранить всех неугодных Тартару... – он помолчал. – Куда я должен отправиться?

Скала, служившая великану головой, дрогнула и, рассыпая камни, медленно повернулась сначала налево, затем направо.

– Не нужно никуда отправляться, – пророкотал Владыка, убедившись, что поблизости никого нет. – Судьба этого мира будет решена здесь. Но помни – это величайшая тайна Тартара!

– Да тут же нет ни души! – удивился Морок.

– Очень скоро здесь будет весьма многолюдно, – великан вздохнул. – Слишком многолюдно! Но я надеюсь на твою расторопность.

– Тебе не придется усомниться в ней, о Владыка!

– Да, вот еще что... – великан сдвинул тяжелые брови. – Здесь под землей, в лесах, по рекам, наверняка, есть кое-кто из наших... Так они все в твоём распоряжении. Можешь смело командовать ими от имени Тартара. Если, конечно, разыщешь кого-нибудь. К сожалению, нас осталось слишком мало... Но если тебе понадобятся помощники, кого-нибудь обязательно пришлем...

– Еще бы! – буркнул Морок. – Должен же кто-то шпионить и за мной...

– Что ты там бормочешь? – спросил великан.

– Прости, о, Владыка! Я начинаю рассуждать вслух. Положительно, это дело увлекает меня все больше.

– Что ж, в темный час!

Глаза великана закрылись гранитными веками. Откуда-то из самых недр донесся глухой скрежет плит. Через минуту огромное лицо без следа исчезло в складках скалы, а затем и сама скала медленно опустилась под землю. Густые травы сомкнулись над ней, точно волны, не оставив и следа пребывания на поверхности Судии Ближнего Круга некогда великого царства...

– Прощай, прощай, старый булыжник! – вполголоса произнес Морок. – Думаешь, я не вижу, как дрожишь ты за свою мятую шкуру?

Он повернулся и пошел туда, где сквозь деревья, вместе с рассветом, начинала просвечивать речная гладь. Издалека вдруг донесся стремительно нарастающий шум. Еще минута, и над лесом, над тем самым пригорком, где только что стоял Морок, пронесся, тяжело перемазывая воздух лопастями, большой зеленый вертолет. Стылый отчетливо разглядел его колеса, иллюминаторы и даже заклепки фюзеляжа. На борту вертолета красовалась алая пентаграмма. Верхушки деревьев качнулись вслед улетающей машине и просыпали на Морока хвою.

– Академик полетел, – раздался вдруг позади него скрипучий голосок. – Место выбирает...

Стылый обернулся. Рядом с ним, опираясь на замшелый пенек и глядя в небо из-под коричневой морщинистой ладони, стоял низенький, основательно запущенный леший.

Морок вспомнил о величайшей тайне Тартара, доверенной ему Владыкой.

– Какое еще место? – подозрительно спросил он лешего. – Для чего?

– Дык ить для чего ж еще? – разулыбался леший. – Уж это в любом болоте спроси – скажут. Город здесь будет! Этот, как его... Центр сибирской науки!

1960. Бригадир

Мучнисто-белый от радиатора до кончика цистерны цементовоз, натужно кряхтя, подполз к недостроенному корпусу института Создания Проблем и шумно испустил дух. Из кабины, надсадно кашляя, вылез седой человек в белом костюме. Он сейчас же принялся обхлопывать себя по бокам солидной кожаной папкой, постепенно превращая свой щегольской белый костюм в повседневный – черного цвета.

– Может, подождать вас? – крикнул из кабины шофер, альбинос по фамилии Гургенидзе.

Человек с папкой только замотал головой в ответ, теряя седину и отплевываясь с особенной злостью. Гургенидзе не стал спорить. Он снова раскопал мотор цементовоза и укатил, махнув на прощание кепкой, под которой обнаружился кружок черных, как смоль, волос. В следующее мгновение клубы цементной пыли из-под колес снова превратили повседневный костюм человека с папкой в щегольской.

В резком контрасте с шумной, клубящейся дорогой, строительный объект представлял собой уголок первозданной тишины и покоя. Не было слышно ни воя механизмов, ни того деловитого скрежета, с которым каменщики выскребают раствор из носилок, ни добродушного мата, непременно сопровождающего все виды строительных работ. В небе, голубом, как листок нетрудоспособности, неподвижно застыл крюк подъемного крана, и какая-то пичужка уже пристроилась на нем высвистывать свою любовную лирику. Для полноты картины не хватало только дрожания листвы и басовитого гудения пчелы, но листву, как и всю прочую зелень, свели под корень еще до рытья котлована под фундамент, так что пчеле тут совершенно нечего было делать.

– Где же бригада? – спросил человек с папкой, поднявшись на цыпочки и заглядывая в оконный проем первого этажа. – На гараж их перебросили, что ли?

Поддон кирпича, стоявший у самого окна, ничего ему не ответил.

– Р-работнички! – тихо ворчал человек. – Стакановцы! Ни одного на месте нет!

Сейчас же, словно в опровержение его словам, из-за угла здания показалась тачка. Весело повизгивая колесом, она катилась по доскам, проложенным через зыби и рытвины стройплощадки. Тачку толкал бодрый старик Шаромыслов, всему городку известный как Коромыслыч, искусный плотник и столяр. Совершенно непонятно было, зачем он схватился за тяжелую, неквалифицированную и, главное, низкооплачиваемую тачку.

«Вот что значит довоенная закалка, – подумал человек с солидной папкой. – Нам хлеба не надо – работу давай! Заводной дедок. А бригада, стало быть, на месте. И кое-кто даже работает...»

Между тем заводной дедок Коромыслыч, заметив папку подмышкой у гостя, стал несколько осаживать тачку. Колесо завияло, будто прикидывая, куда бы свернуть. Но свернуть было некуда, тачка тянула Коромыслыча прямо к начальству, что было совсем некстати, так как нагружена она была не песком и не щебенкой, не кирпичом и не цементом. Крутой ноздреватой горкой возвышались над дощатыми бортами белые грибы и подберезовики, грузди и маслята, моховики, обабки и подосиновики.

Тут и начальство, наконец, разглядело транспортируемый груз. Криво усмехаясь, человек с папкой поприветствовал старика:

– С полем, Коромыслыч!

– А! – искусственно оживился дед. – Здравствуй, здравствуй, Александр Иванович! Не сидится в кабинетах? Правильно. Ближе к делу нужно быть. Рядом с народом. Время теперь горячее – некогда по кабинетам-то рассиживаться!

И он так энергично приналег на тачку, минуя начальника, словно боялся опоздать к рекордному триста пятому замесу. Но Александр Иванович пошел рядом.

– Да, – сказал он, похлопывая себя папкой по ноге, – время страдное. Урожайное, я смотрю... Это что, белый? – он взял из кучи большой гриб с коричневой шляпкой.

– Подберезовик, – сухо прокряхтел Коромыслыч.

– Ах, подберезовик! – Александр Иванович с удовольствием понюхал гриб и положил его на место. – И что же, вся бригада на уборке?

– Зачем вся? По очереди. Тачка-то одна!

– Так, так, – Александр Иванович сочувственно покивал. – Неудобство!

– Куда уж! – согласился Коромыслыч. – Да и с тачкой-то не масло сливочное. Ходу ей нету в лесу. Колесо стрянет, через валежины кое-как ее перетаскиваешь. Наломаеться, аж руки болят. Но – стараемся, не сачкуем. Каждый по полной тачке привозит!

– Может, не стоит так надрываться? – осторожно спросил Александр Иванович.

– Как то есть – не стоит? – заволновался дед. – Гриб убрать надо, пока институт не поставили. Потом поздно будет. Побьет гриб-то!

– Чем побьет? – не понял Александр Иванович.

– Известно, чем! Изотопом.

Начальник только рот раскрыл от изумления. Он был кандидатом физико-математических наук и курировал строительство со стороны администрации будущего института. За год работы на стройке он всякого посмотрелся и послушался, но такого еще не слыхивал.

– Кто это сказал? – спросил он Коромыслыча.

– Да уж не в газетке прочитали! – самодовольно ухмыльнулся старик. – Мы ж понимаем, сведенье секретное. Только и в нашем передовом классе образованные имеются!

– Образованные? – прищурился Александр Иванович. – Ну, все ясно. Где он?

– Кто?

– Морок.

Старик пожевал губами, соображая, что лучше: соврать или не расслышать. Но Александр Иванович был настойчив.

– Бригадир ваш, спрашиваю, где?

– А! Бригадир-то? Да где ж ему быть? Здесь где-то. На объекте. Если, канешно, в Управление не наладился или на бетонный...

– А бригада?

– Так и бригада здесь. На крыше оне загора... ра... работают.

Александр Иванович махнул рукой, отпуская старика с богом, а сам вошел в здание. Он сразу оказался в огромном зале Синхротронного Инжектора и, шагая наискосок через гулкую тишину, как всегда, невольно замечтался. В пустом и прохладном объеме, пронизанном солнечными полосами, сейчас лишь медленно кружились пылинки. Но Александр Иванович видел другое. Над его головой острыми блестящими линиями прорисовались вдруг цилиндры, кубы и торы будущей установки. Тяжелые магниты, выкрашенные в синий и красный цвета, трубы системы охлаждения, монтажные тали, блоки, вентили, щиты и рубильники. И провода. Километры, нет, сотни километров проводов.

«И разгоним мы тебя, голубчик, – говорил Александр Иванович сотканному из воздуха сооружению, – куда-нибудь за сотню БЭВ. И заткнешь ты у нас за пояс и Церн, и Дубну, и город Бостон, штат Массачусетс...»

Он осторожно оглянулся по сторонам и тихо добавил:

«Тогда и нас, грешных, может быть, не забудешь...»

Нужно сказать, что Александр Иванович крепко надеялся на новую установку и отнюдь не собирался оставаться в стороне, когда она начнет давать сенсационные результаты. Не для того он подался в Сибирь, оторвав семью от номерного столичного снабжения, не для того тянул ляжку мелкого начальника на стройке, чтобы снова, как в Москве, оказаться в задних рядах, в строке «а также весь коллектив института».

«Шиш, товарищ Шамшурун! – шипел Александр Иванович под шорох шагов, – Не выйдет у вас на сей раз! – сердито сопел он. – Как пойдут эксперименты, да первые публикации, все спросят: кто создал установку? А создатель – вот он, на месте! Не в Москве сидит, докторскую из пальца высасывает, как некоторые, а строит будущее науки своими руками, сам отлаживает и впервые в мире получает феноменальные...»

Александр Иванович вздохнул. В мечтах получалось все так гладко и бесспорно. В жизни же выходило сложнее. Пока он, забросив науку, второй год месит грязь, покрывается цементной сединой, выбивает кирпич, нервы сжигает на благо родного института, Шамшурун там, в Москве, не разгибаясь, кропает дисер, исключительно ради блага собственного. Да еще хвастается, подлец: вот стану, дескать, доктором, поеду в Сибирь, руководить лабораторией в новом институте.

И ведь станет! И поедет, вот что отчаянно. Значит, необходимо его опередить. Пустить установку, дать первые результаты, опубликовать и подписаться.

«Обогнать надо! Обойти! Оставить за флагом! – лихорадочно бормотал Александр Иванович. – А тут эти строители...»

Экстаз научного подвига, на минуту овладевший Александром Ивановичем, не помешал ему заметить, что в потолке зала зияют небесно-голубые дыры. Сквозь них-то и пускало солнце свои пыльные лучи. Плиты перекрытия, которые по графику строительства должны были уже неделю лежать на своем месте, до сих пор положены не были. А ведь не далее как в прошлую пятницу бригадир строителей Станислав Морок бил себя кулаком в грудь пониже комсомольского значка, целовал переходящее знамя и клялся, что срыва графика не допустит.

«Ох уж мне эти добровольцы! – зло подумал кандидат наук. – Ехали бы себе на целину, что ли, речи толкать!»

По широким пролетам парадной лестницы, свежей, нисколько еще не истертой подошвами и даже не огороженной перилами, он поднялся на пятый этаж и здесь впервые обнаружил признаки жизни бригады Морока. Откуда-то сверху, вероятно с крыши, доносился одинокий голос, неторопливо рассказывающий что-то в полной тиши. Александр Иванович прислушался, но не мог разобрать ни слова. Тогда он направился к сколоченному из досок трапу, ведущему на крышу.

Едва нога представителя науки ступила на доски, как дружный многоголосый хохот потряс недостроенное здание. Александр Иванович даже отступил и огляделся испуганно, не над ним ли смеются, но вокруг никого не было. Тогда он торопливо взбежал по трапу и оказался на крыше, где немедленно обнаружил всю бригаду в сборе.

Крановщица Завьялова и стропальщик Аникеев сидели ко всем спиной, обнявшись. Они с надеждой смотрели туда, куда властно звала их комсомольская юность – в лес, на сенокосные поляны, под душистый смородинный куст. Дюжий каменщик Масоненко дремал, вольно раскинувшись на рулонах рубероида, подложив под голову большой кусок гудрона, размякший от жары не меньше самого каменщика. Четверо плотников-бетонщиков воодушевленно забивали «козла» на пустом поддоне из-под кирпича. Остальные строители сплотились в кружок около молодого человека, внешность которого носила несомненный отпечаток образования в виде очков со сломанной дужкой, а цыганский вечный загар и бойкие черные глаза говорили о глубоком знании самых неожиданных сторон жизни. Это и был Станислав Морок – личность, известная на стройке своим организаторским талантом и рекордными заработками. Неслучайно строители, среди которых некоторые уже перешагнули за средний возраст, с сыновней любовью внимали словам бригадира, буквально заглядывая ему в рот.

Они еще досмеивались над какой-то шуткой или анекдотом, монтажник Полупанов еще утирал слезу пыльной верхонкой, истерически всхлипывая: «По самые помидоры! Вот, чертяка!», когда Александр Иванович кашлянул значительно и неожиданно для всех вступил в заветный круг.

Строители разом притихли. Один из доминошников, уже занесший было руку над истерзанным поддоном, сдержал удар и лишь прошептал еле слышно:

– Рыба...

Стропальщик и крановщица обернулись к тому месту, куда звала их рабочая совесть. От внезапно наступившей тишины проснулся каменщик Масоненко и встревоженно приподнял голову вместе с куском гудрона.

– Здравствуйте, товарищи! – сказал Александр Иванович. – Что это у вас, перекур?

– Политинформация, – ничуть не смутившись, отпарировал Станислав Морок.

Было видно, что ему нипочём внезапный приход начальства, что он, напротив, давно ждал Александра Ивановича, чтобы поставить ему очередную задачу по обеспечению строительства.

– Политинформация? – повторил представитель науки несколько менее грозно. – Хм! Любопытно. И какая же тема?

– Общий кризис капитализма, – немедленно ответил бригадир.

На это нечего было возразить. Александр Иванович любезно улыбнулся. Приходилось признать, что застать бригаду врасплох ему не удалось. Но у него оставался еще один козырь в запасе – график работ.

– Что ж, тема очень актуальная, – Александр Иванович одобрительно покивал. – Кризис капитализма, конечно, налицо. Но какие выводы из этого факта мы должны сделать для себя, товарищи?

Он обвел всех, кто был на крыше, взглядом Родины-матери и обратился прямо к крановщице:

– Как вы думаете?

Крановщица широко моргнула мохнатыми ресницами. В ее васильковых глазах отразился весь мир, включая Александра Ивановича. Но кризиса капитализма там не было.

– Так какие же выводы мы делаем? – переспросил начальник.

Стропальщик решил прийти на выручку своей подруге и, шмыгнув носом от напряжения, медленно выдавил:

– В общем... неизбежный он...

– Кто неизбежный?!

– Ну этот... крах системы ихней.

– Ну, это-то понятно! – Александр Иванович махнул рукой. – А вот что каждый из нас должен сделать для его приближения?

Он снова обвел присутствующих ревнивым взглядом. Народ безмолвствовал. Но Морок уже понял, куда гнет коварный представитель.

– Что ж тут сделаешь? – он отчаянно зевнул. – Одно остается – ударным трудом крепить оборону...

– Совершенно верно! – Александр Иванович так обрадовался, будто хотел прямо сейчас устроить показательный крах капитализма. – Именно ударным трудом! Но заглянем, товарищи, в график наших с вами строительных работ...

Под затуманившимися взглядами бригады он уверенным движением расстегнул папку и вынул из нее, словно маузер из кобуры, сложенный в гармошку ватманский лист. В этот момент Александр Иванович ощущал себя комиссаром в пыльном шлеме, прибывшим на передовую, чтобы поднять людей в атаку.

– По плану плиты перекрытия большого зала должны быть уложены к первому августа. На календаре у нас, слава богу, девятое число. И где же, товарищи, перекрытие?

Бригадир равнодушно пожал плечами.

– Я бы, товарищ Куприянцев, рад перекрытие класть, да никак не могу, – он чуть повысил голос, – права не имею! Вы портяночку-то пошире разверните, загляните в проект! Там сварочных работ пятьсот часов, а потом уже монтаж перекрытий.

– Каких сварочных? – опешил Александр Иванович.

– А уж это вам, ученым, виднее, каких! Строй им, понимаешь, здание, чуть не из одного железа, а сварщиков дают – полтора человека! – Станислав усмехнулся бригаде, и та сейчас же расцвела в ответ понимающими ухмылками.

– Подождите, где же тут сварочные? – забеспокоился Куприянцев.

Он был уверен, что знает проект, как свои пять пальцев, но вот сейчас, услышав обвинительное слово бригадира, вдруг усомнился. И точно: словно слепое пятно, два месяца прикрывавшее целую строку в графике работ, вдруг растаяло перед его глазами. И со всей очевидностью проступили черным по белому выписанные пятьсот человеко-часов сварочных работ под спецмонтаж.

– Вот тебе раз... – Александр Иванович закусил губу. – А вы-то почему молчали?

– А что я должен – рыдать и плакать? – буркнул Станислав. – У меня вон двое сварных, один пенсионер, другой ученик. Они на плитах еле поспевают, а вы хотите их на спецмонтаж?

– Вы должны были затребовать сварщиков в Управлении!

– Да откуда они в Управлении? Там только начальники с бумажками ходят. Гвоздя ни один не вобьет. Нынче сварщики на вес золота!

– Это не мое дело! – горячился Куприянцев. – У вас комплексная бригада, вы обязаны выдерживать график! Я вообще наблюдаю странное отношение к делу, товарищ бригадир. За длинным рублем гонитесь? Не хотите делиться с лишними людьми? А дело пусть стоит? Дескать, начальство испугается срыва сроков, премиальные накинёт? Не выйдет, дорогой товарищ! Мы здесь с вами не на себя работаем...

Александр Иванович остановился. Бригадир смотрел ему прямо в глаза, и взгляд этот будто шептал Куприянцеву нечто такое, чего нельзя сказать вслух.

– Конечно не на себя, – тихо произнес Станислав Морок. – Вы, например, Александр Иванович, пашете на товарища Шамшурина...

– Ч-что? – Куприянцев от неожиданности чуть не оступился в неогороженный лестничный пролет. Морок удержал его за лацкан, но Александр Иванович даже не заметил оказанной услуги. Он думал совсем о другом.

Откуда бригадиру строителей известна фамилия врага? Откуда он мог знать, чем терзает Александра Ивановича эта подлая фамилия? Как мог он выудить из глубин куприянцевского подсознания главный, самому себе не высказанный страх – предчувствие, что вся нынешняя грязная, лихорадочная работа пойдет насмарку, хуже чем насмарку – на славу и процветание новоявленного доктора наук Шамшурина, а его, Куприянцева А. И., снова задвинут в задние ряды?

– Пойдем, покурим... – все также тихо предложил бригадир. – Есть разговор...

Александр Иванович безропотно последовал за Мороком вниз по трапу и далее – в помещение будущей пультавой. Широкий, в полстены, оконный проем пультавой выходил не на улицу, а в зал Инжектора, отчего здесь царили полумрак, прохлада и покой. Скоро, очень скоро тесное помещение до отказа наполнится мерцающими экранами осциллографов, панелями перемигивающихся неонов, реостатами, рубильниками, магнитофонами, стульями, чайниками и людьми, но сейчас...

– Шамшурина вам не обогнать, – жестко бросил бригадир, поворачиваясь к Александру Ивановичу.

– Почему это?

Куприянцеву была неприятна уверенность в голосе Морока.

– Да потому что старик отдает ему свою тему!

Александра Ивановича прошибло морозом.

– Этого не может быть... – пролепетал он, – Паркан – Шамшурина?! Чего ради?!... Позвольте! – встрепенулся он вдруг, – а вам-то откуда это известно?! Тема академика Паркана – закрытая!

– Для кого закрытая, – тихо сказал бригадир, глядя прямо в глаза Куприянцеву, – а для вас, Александр Иванович, далеко еще не закрытая! Пока вы тут морочите мне голову своими сварщиками, Шамшурин там... женится на Лидочке!

– На чем... – Куприянцев поперхнулся. – На Лидочке Паркан?!

– Змей какой, правда? – Морок ухмыльнулся. – А ведь у него дети в Тамбове брошены вместе с женой на какого-то генерал-майора...

– И все-таки, – слабо упирался растоптанный кандидат наук, – откуда вы все это знаете?!

– Смешной вопрос! – Морок деловито хохотнул. – От Лидочки и знаю, от кого же еще? Мы ведь с ней когда-то в один детский сад ходили, а такие вещи не забываются! – Морок с размаху чиркнул спичкой о стену и запалил невесть откуда взявшуюся во рту беломорину. – Я был влюблен в нее, но отвергнут. Подозреваю, тут не обошлось без Шамшурина. Если бы не этот интриган, наши сердца давно бы... того... – Станислав выпустил клуб дыма, похожий на большое сердце, и сплюнул, – соединились бы, короче! Но этот гад нашептал академику какую-то мерзость, и старик указал мне на дверь ореховой палкой. Знаете, у него есть, тяжелая такая... Ну и вот. На чем мы остановились? А, ну да! Я в отчаянии бросился, куда глаза глядят, то есть на стройки пятилетки, а она... Она даже не пришла меня проводить на вокзал! Я писал ей письма, от которых рыдала вся бригада, включая Коромыслыча, а в ответ получил вот это...

Морок выхватил из нагрудного кармашка засаленный листок и, не дав его Куприянцеву, сунул обратно.

– Пишет, что подали заявления! Через месяц – свадьба. Все. Прощай, друг детства Слава Морок!... – голос бригадира влажно дрогнул. – А я ее в средней группе от мохнатой гусеницы спас... Да и она меня, где-то в душе, глубоко-глубоко, но все ж таки любила...

– П-правда? – только и смог выдавить Куприянцев в ответ на этот страстный, но несколько театральный монолог.

– А то! Не любила бы, так закрытых бы тем не рассказывала! А вы, поди, решили, что я агент Центрального Разведывательного Управления США?

– Что вы! – Куприянцев залился краской, отчего лицо его в полумраке потемнело. – Совсем наоборот!

– Чего – наоборот?!

Станислав вдруг приобнял начальника и забубнил ему в ухо:

– Иваныч! Ты меня за гэбэшника держишь, что ли?! Я что, похож на стукаря?!

– Нет! – решительно мотнул головой Куприянцев, сам удивляясь своей уверенности.

– Меня любовь толкает на решительный шаг, веришь ты, или нет?!

– Верю! Верю! – Александр Иванович успокаивающе похлопал влюбленного бригадира по руке. – А на какой шаг?

– А на такой, что я ему устрою женитьбу! Мало не покажется! И ты мне поможешь!

– Каким же образом?

– Очень просто. Ты должен Лидку у него отбить!

Станислав шлепнул окурком о цементный пол, так что искры полетели во все стороны.

– Как?! – оторопел Куприянцев. – Почему – я?!

– Потому! – бригадир припечатал окурком тяжелым каблуком, – Хотела за доктора наук замуж – пусть выходит! Я ее счастью не помеха! Но этому гаду она не достанется! Дудки! И доктором ему не бывать! Все твое будет! И жена, и степень!

– Да, но... – бормотал совсем растерявшийся Куприянцев. – Дело в том, что я уже, в некоторой степени... женат.

– Стыдно! Стыдно, Александр Иванович! – с надрывом возразил Морок. – Ты же ученый! Передовой, советский ученый, не какой-нибудь там Резерфорд! Ради науки ты должен быть готов на все!

– Я готов, конечно, – Куприянцев прижал руки к груди, – но... как же это может произойти? Она в Москве... и потом, мы с ней едва знакомы... да и разница в возрасте, как-никак..

– Что ты заныл?! – остановил его Морок, – все это я беру на себя! Лидка тебя так полюбит, как маршал Жуков Советскую Родину! Есть безотказное средство.

– Так почему же вы сами... – начал было кандидат наук, но бригадир не дал ему договорить.

– А, может, я ее наказать хочу? – он гордо откинул с глаз цыганский чуб. – Пусть знает, что любовь зла! Короче... – Станислав вынул еще один маленький листок, на этот раз из заднего кармана брюк, – бери! Владей!

Это была фотография Лидочки Паркан. Куприянцев сразу узнал ее темную челку и блестящие глаза-вишенки, всегда широко и наивно раскрытые, словно в легком удивлении.

Именно этот невинный взгляд и поразил Александра Ивановича больше всего, ибо Лидочка была на фотографии абсолютно голой, да еще и в крайне вызывающей позе.

Куприянцев облизал пересохшие вдруг губы, но рот закрыть забыл.

– Ч-что это?! – прошептал он едва слышно, на вдохе.

– Не видишь, что ли? – отозвался Станислав. – Дама пик.

Тут только Александр Иванович обратил внимание на черные значки по углам фотографии и понял, что держит в руке игральную карту, а точнее – любительскую фотокопию с игровой карты самого возмутительно-порнографического содержания.

– Ффу ты, черт! – он помотал головой, стряхивая наваждение. – Мне вдруг показалось... что это она!

– Кто – она? – Станислав крепко ухватил его за руку и повернул фотографию к себе. – Лидка, что ли? Хм. Да, что-то общее есть. В коленках. Но это не важно. Главное, чтобы по масти подходила!

Александр Иванович и сам теперь видел, что девушка на карте только отдаленно напоминает Лиду Паркан. И чего вдруг примерещилось?

«Может быть, я, правда, в нее влюблен? – подумал Александр Иванович. – До сих пор ведь помню, как тогда, на новогоднем вечере в лаборатории, она посмотрела на меня через стол огромными своими глазами, взмахнула ресницами и сказала: „Передайте хрен!“. Очень, очень миленькая девушка! Да и тема весьма перспективная. Только как же все это устроить? Нет, невозможно!»

Куприянцев вздохнул, стараясь вернуть мыслям трезвый скепсис, но слова бригадира, веские и уверенные, уже растревожили душу будущего доктора наук.

– Так вот, – продолжал между тем Станислав, – Дома поддержишь карту над свечой, наколешь булавкой в четырех местах и сунешь под матрас. Перед сном не забудь наверхнуть стакан сметаны, орехов грецких хорошо, петрушки пучок...

– Для чего это? – Александр Иванович с трудом оторвался от сладких мечтаний.

– Для стати мужицкой. Чтоб во сне не оплошать. Как ляжешь, представляй себе в мыслях Лидочку и повторяй: «Паркан, Паркан...» Да смотри! Спать нужно на животе. Повернешься на спину – все дело испортишь!

– Что это еще за дело – на животе? – не понял Куприянцев.

– Наше дело. Колдовское!

Станислав поманил Александра Ивановича пальцем и, наклонившись к самому его уху, тихо произнес:

– Я ведь открыл тебе великую тайну Удаленного Соития. Ты теперь Посвященный, а в руках Посвященного – страшная сила!... Ну, то есть не в руках, а в этих... ну, разберешься,

короче. Но самое главное – ты становишься одним из нас! – голос Морока разросся и зазвучал на весь зал, как в храме. В воздухе пахло серой. – Отныне нарекаю тебя Адептом десятого круга! Добро пожаловать в Армию Тартара! Ха-ха-ха!

Эхо громового хохота прокатилось по залу, взметая пыль, и затихло вдали.

– А ну, дыхни, – вдруг спокойно сказал Куприянцев.

– В смысле? – Станислав был удивлен не столько словам, сколько этому приказному тону.

– Дыхни, говорю! – грозно надвинулся Александр Иванович. – Чем это от тебя прет?!

До чертей зеленых докатился, бригадир?! Бригаду за мухоморами в лес посылаешь, шаман хренов?!

На Куприянцева страшно было смотреть. Глубоко уязвленное его самолюбие наливалось гроздьями гнева, готовыми лопнуть и обварить Станислава кипятком.

– Ты чего, Иваныч?! – опешил Морок.

– Попрошу мне не тыкать! – взвизгнул Александр Иванович. – С вами по-доброму, видно, нельзя! Вы на шею сразу садитесь! Я-то, дурак, думал, у нас доверительный разговор, общие интересы... а он мне – картишки под матрас! Не комсомолец, а гадалка вокзальная!

– Ну, это вы зря, – обиделся Станислав, – говорю же – дело верное...

– Что дело верное?! – совсем взбеленился Куприянцев. – Булавками в картинки тыкать?!

Вы мне еще помолиться предложите!

– Никогда! – бригадир замахал руками. – Но... погодите... вы проверьте сначала, – повторял он в некоторой растерянности. – Попробуйте! Честное слово – все получится!

– Я вам не Коромыслыч! – кипел Александр Иванович. – Я серьезный ученый! Ничто на свете не заставит меня проделывать ваши карточные фокусы! Вы еще за порнографию ответите! Да! Да! Мы и об этом поговорим! Только в другом месте!

Он круто развернулся и направился к выходу из пультовой.

Морок глядел ему вслед с удивлением и даже с некоторой долей уважения.

– Зря вы отказываетесь, – вздохнул он, – ведь все Шамшуруну достанется.

Куприянцев остановился на пороге и бросил на бригадира высокомерный взгляд.

– Шамшурин – враг. Но истина – дороже! – гордо произнес он. – Да! И чтобы завтра же были сварщики! С утра чтоб работали!

Морок плюнул с досады.

– Да где я вам возьму их, сварщиков?! Да еще с утра!

– А это меня не касается, – отрезал кандидат наук. – Хоть из-под земли доставайте!

Станислав остался один.

– Фанатики! – прошептал он, глядя в опустевший проем двери. – Как засядет в мозгах диалектический материализм, так хрен вытравишь!

Он вернулся на крышу, где застал всю бригаду в сборе. Даже Коромыслыч, успевший нанизать грибы на нитку и развесить их в будущем кабинете директора, попыхивал цыгаркой, как ни в чем не бывало, будто это и не он попался на глаза начальству с тачкой грибов.

– Ладно, – сказал Морок. – Кончай ночевать! Сима, Гаврик, разберите опалубку и переставьте леса под сварные. Да слани еще одни положите, чтоб не корячиться там! Я вечером проверю.

– А вы куда, Станислав Сергеевич? – спросил преданный Гаврик.

– Куда! – сердито передразнил Станислав. – Еще один нашелся – кудахтор наук!...

В Управление поеду, сварщиков выбивать. Все, братва, халыва кончилась. Вкалывать начинаем...

Разболтанный ЛАЗ, курсировавший между стройплощадками будущих институтов и барачным городком строителей, в этот час был еще почти пуст. С укороченной смены возвращалась, попивая молоко и сыто отрыгивая ацетоном, бригада маляров. Отгульная бухгал-

терша из Управления, перегородив проход двумя огромными корзинами с грибами, сладострастно гужевалась над добычей. Пузатые духовитые боровички и подберезовики радовали сердце женщины не меньше, чем зависть огнедышащих маляров. Бригадир Морок вольно раскинулся на двух сидениях в середине полупустого салона и, надвинув кепку на нос, задремал. Котлованы и огрызки свай, проплывавшие за окном, постепенно сменились сплошной стеной леса. Автобус плавно покачивался на песчаных барханах свежей грунтовки. За всю дорогу до поселка он остановился только раз, в том месте, где от дороги в зелено-бурую глубь леса уходила неширокая просека. В открывшуюся дверь ворвался первый вечерний холодок. Следом, крихтя, влез мужик в драном нагольном тулупе, лохматой шапке неопределенного покроя и каких-то совсем уж бесформенных валяных сапогах. За собой он тащил неподъемный мешок, сшитый вроде бы даже не из ткани, а из шкуры какого-то огромного, подозрительного на ископаемость зверя.

Мешок застрял в дверях и никак не хотел подниматься в салон вслед за хозяином. Мужик тихо ругался не по-русски. С шипением совершенно змеиным он высыпал сквозь зубы короткие злые слова.

– Кхараш сурухак! Настарап маштух! Удух сурухак! – повторял он, дергая мешок.

Первые же звуки этого голоса вывели Морока из дремы. Он поднялся с места, решительно отстранив корпусную бухгалтершу, подошел к двери, ухватился за мешок и рывком втянул его в салон.

– Чахорлук! Кобурнан пхом! – закричал старик, пытаясь отобрать мешок. Голос его стал похож на лай охрипшего пса. – Гах'м! Грахма акам!

– Шкеррах! – вдруг рявкнул Морок и, ухватив странного пассажира за отворот зипуна, притянул его вплотную к себе.

– Гулупек хартуф, – тихо проговорил он, оглянувшись на бухгалтершу. – По-русски говори, сволочь! Расточу!

Лицо старика вытянулось. Он пристально посмотрел в глаза Мороку, затем медленно согнулся в поклоне.

– Слушаюсь, господин!

– Ну ты еще в ноги упади! – зашипел Морок.

Он подхватил старика под руку, усадил его на заднее сидение, привалил сверху мешком, а сам сел рядом.

– Свояк мой, – улыбнулся он бухгалтерше. – Подгулял малость. У них в лесничестве получка сегодня...

– Вон что! – бухгалтерша тоже расплылась в улыбке. – Тогда имеет полное право!

– Ты откуда взялся такой? – тихо спросил Морок, навалившись на плечо «свояка». – Законов не знаешь? На Истинном – ни слова!

– Так я ить, ваше... – захрипел старик, – только что отрылся, не обсмотрелся еще.

– Кто таков?

– Из упырей мы. Пятого круга.

– Давно тут не был?

– Ох, давно! Еще при демонах закопали. Тогда тут город был, крепость на горе. Вот сейчас как раз будем проезжать недалеко от того места, где башня пыток стояла...

За окном все также мелькал частокол сосновых стволов.

– И не узнать теперь, – вздохнул старик. – Поросло.

– За что закопали? – спросил Морок.

– А ни за что. Про запас. Как война с оборотнями кончилась, так многих под грунт пустили. Чтoб дармоедов не плодить. Нашему брату, упырю, только покажи деревню. Через день-два полна будет упырей. А жрать чего? Вот и сэкономили кой-кого. Тут по старым под-

валам уймища наших лежит. Цельными отрядами, и с командирами вместе. Да вон, хотя бы, под башней пыток, если знаючи копнуть...

– А еще где? Показать можешь?

– Показать-то могу, да добраться туда мудрено. Под море ушли. Я и сам кое-кого по старой памяти отрыть хотел. Сунулся, а там вода. Черт их знает... перегородили зачем-то реку, или само завалилось? Надо будет разворочать...

– Я тебе разворочаю! – Морок погрозил старику пальцем. – Это же водохранилище, тьма ты темная!

– Ну, пускай будет хранилище, – согласился упырь. – Только под ним дружки мои лежат...

– Ничего, полежат, – Станислав задумчиво смотрел в окно. – Пока не понадобятся, там им самое место. А с тобой так: поступаешь в мое распоряжение...

Старик глянул на него с хитрым прищуром.

– Да я с радостью, конечно... Только доложить бы, как положено... по начальству кому или по старшинству.

– Я тебе здесь и начальство, и старшинство! – отрезал бригадир. – Считай, что попал на доклад к Иерарху.

На свежем комсомольском лице Станислава появилось вдруг такое властное выражение, что упырю стало не по себе.

– Слушаюсь, господин, – пробормотал он.

– Пойдешь ко мне в бригаду сварщиком, – решил Морок.

– Ох! – старик помрачнел. – Не люблю я этого ихнего электричества...

– Не бойся, – успокоил Станислав. – Покойника током не убьет.

– Убить-то не убьет, да перепугаешь всех вокруг до смерти. Объясняй потом, отчего уши в темноте светятся! Нет, не могу я с людьми. Мне бы, как вашей милости угодно было сразу сказать – в лесничестве, на отшибе где-нибудь. Сидеть у большой дороги, не давать прохода ни конному, ни пешему...

– Хм... – Морок в раздумье погладил подбородок, когда-то обрамленный густой курчавой бородой. – Ни конному, ни пешему? Ладно, поглядим. До вечера посидишь на объекте в инструменталке, а ночью покажешь, где тут у вас башня пыток была.

– Повинуюсь, о, Владыка! – старик с готовностью кивнул. – Только вы уж меня на довольствие-то поставьте!

– С голоду не умрешь. Тут теперь народу навалом. Скоро весь лес изведут... – Морок смотрел на ветки сосен, вскользь задевающие стекла автобуса.

– Как этот так – изведут?! – забеспокоился упырь. – А охотиться где?

– В парке будешь охотиться. Тот же лес, только деревьев поменьше, а народу побольше.

– Так это ж другое дело! – оживился старик. – Мне лишь бы темно, тихо и чтоб прохожий человек иногда забредал...

– Будет тебе человек... – успокоил Станислав.

Заматавшись, как обычно, между объектами и Управлением, Александр Иванович вернулся домой уже затемно. Трое соседей по бараку, во главе с Коромыслычем, сидели во дворе за столом, слабо освещенным оконным светом и угощались портвейном. Из закусок на столе были только шахматные фигуры, съедаемые игроками в скоротечных эндшпилях.

– После трудовой вахты портвешок ум вострит! – Коромыслыч поднимал к ночному небу узловатый палец. – А от пива только спать тянет, да, извиняюсь, сцать. Нет, с пивом шахматной игры не постичь! Это мне еще Боря Смыслов говорил. Я ему доску на заказ делал. Полисандрового шпона! С Ир... кун... страцией. Тьфу! Вот тоже особенность: язык от него, от портвешка, заплетается, а голова, в смысле мозгов, наоборот, светлеет. А отчего такое?

Собеседники молчали, погруженные в непростую ситуацию на доске. Коромыслыч, рассуждая о живительных свойствах портвешка, успевал теснить их по всем линиям и диагоналям.

– А оттого это, – продолжал он наставительно, – что ум после каждого стакана получает значительное ускорение, и язык за ним уже не успевает! Называется – эффект Доплера. . . Вот, ученый человек не даст соврать, – Коромыслыч ловко подсек взглядом проходящего мимо Куприянцева. – Верно же, Александр Иванович?

Кандидат наук устало покивал и прошел к себе. В бараке у Куприянцевых была отдельная квартира, то есть – комната и кухня со своей печью, которую супруге Алле Андреевне приходилось топить углем и дровами, чтобы приготовить обед. Даже после шумной московской коммуналки такие условия казались ей чересчур спартанскими. Впрочем, в новом, спешно возводимом квартале домов Куприянцевых уже в будущем году ожидала шикарная полногабаритная квартира.

Но сегодня эта радужная перспектива почему-то уже не радовала Александра Ивановича. Его больно жег тот факт, что докторам наук в новом научном городке сразу предоставляется собственный коттедж. Удивительно! Раньше ему как-то удавалось примириться с этим фактом, а сегодня он вызывал горький сарказм по отношению к самому себе.

Неужели всерьез поверил в призрачную возможность проскочить в доктора без очереди, на худеньких плечиках Лидочки Паркан? Да ни на столечко вот не поверил! Что за дурацкая идея, вообще? Отбить девятнадцатилетнюю девчонку у завидного жениха, да еще и заочно! Посредством карточных фокусов!

Куприянцев сердито позвонил в дверь. Долгое время изнутри не доносилось ни звука, затем послышались шаркающие шаги жены.

«Ползет! – недовольно подумал Александр Иванович. – Еле тащится, корова!»

Впервые его пухленькая, теплая Алла вызывала в нем такое раздражение.

– Чего звонишь?! – прошептала жена, открыв дверь. – Машка спит!

Тут только Куприянцев сообразил, что должен был открыть дверь своим ключом. Это разозлило его еще больше.

– Мало мне на работе мороки! – зашипел он на жену. – Целый день на нервах, пашешь, как вол! Придешь домой голову приклонить, от дураков отдохнуть – как бы не так! С порога обхамят и облают!

– Ты чего, Саш?! – Алла испуганно отступила. – У тебя неприятности на работе?

– Зато дома – одни приятности! – Куприянцев решительно отстранил жену и прошел прямо в кухню.

Он погромел затычкой рукомойника. Воды не было.

– Долить надо, – сказала за спиной Алла.

– Так долила бы! – Куприянцев зло рванул с пола ведро с водой и, обливаясь, опорожнил его в рукомойник. – Круглые сутки дома сидишь. . .

– Вот именно! – не выдержала жена. – Круглые сутки варю да стираю! Зачем я институт кончала? Чтобы ведра таскать? Живу тут, как ссыльно-каторжная! А меня Паркан к себе в лабораторию приглашал!

– Вот и оставалась бы со своим Парканом! – рявкнул неудавшийся доктор. – И не разыгрывала бы из себя жену-декабристку! Никто насильно не тащил!

Он загромыхал рукомойником, чтобы не слышать ответов жены.

– Паркан! – фырчал Александр Иванович, расплескивая вокруг себя воду. – Нашли свет в окошке! В кого ни плюнь – всем Паркана подавай!

Он вдруг заметил, что умывается, не сняв пиджак. Брызги весело пятнали припорошенную цементной пылью ткань, образуя поля качественного раствора. Завтра хрен ототрешь. Пропал костюм.

Куприянцев в исступлении сорвал с себя пиджак и швырнул его через всю маленькую квартирку – прямо на кровать. Из карманов посыпались бумажки – сложенные вчетверо наряды, сводки, эскизы оснастки.

Труха! Лицо Александра Ивановича скривилось от ненависти. Бухгалтерия вместо науки! Что от них останется, от этих бумажек? Ничего! Дым! сколько их, ненужных и неважных, сгорело уже в этой кухонной печке, превратилось в сизый завиток над трубой. Дым – вот главный итог деятельности кандидата физико-математических наук Куприянцева! Удавиться можно!

Жена мыла посуду в тазу, старательно не обращая внимания на валявшиеся почти у самых ее ног бумажки.

Теперь будет демонстративно игнорировать, с досадой подумал Куприянцев. Нет, чтобы элементарную заботу проявить. Не о муже, про это уж и не заикаемся! Но хотя бы о чистоте в доме можно было позаботиться? Целый день дома сидит – бумажки подобрать лень!

И вдруг, среди разбросанных по полу клочков, Александр Иванович с ужасом увидел – её! Игральная карта оглушительно порнографического содержания лежала чуть поодаль от других бумажек. К великому счастью, она упала картинкой вниз и являла глазу лишь белую фотографическую изнанку, но Александр Иванович сразу узнал ее по закругленным уголкам.

Алла вытерла руки о фартук, вздохнула горестно и, с трудом наклоняясь, принялась собирать с пола бумажки. Шаг за шагом, она неумолимо приближалась к роковому прямоугольничку из плотной фотобумаги...

Александр Иванович содрогнулся. Объяснить жене, зачем носишь такую гадость в кармане, невозможно. Она черт знает что подумает! А если девица на карте и ей напомнит Лидочку Паркан? Тут и вовсе может выйти скверная история.

Алла уже протянула руку к злополучной карте, но Александр Иванович кинулся коршун и успел раньше.

– Сколько раз просил не трогать мои документы! – гаркнул он так, что Машка проснулась и захныкала.

– Добился своего... – с ненавистью прошептала жена, швырнув на пол подобранные бумажки и устремляясь к дочери.

Александр Иванович поспешно сгреб все клочки, включая опасную карту, и огляделся – куда бы спрятать?

– Бутылку подай! – прошипела Алла из темноты.

– Какую бутылку? – Куприянцев совсем растерялся. Проклятая карта жгла ему руку.

– С соской, какую! – Алла взяла Машку на руки и тихо шептала ей, покачивая:

– Бедная моя доченька! Разбудил Машу псих ненормальный. Ну тихо, тихо, он больше не будет... Мы ему покажем, как нашу девочку будить... Ну чего ты там застрял?!

Александр Иванович покрутил головой, оглядывая кухню.

– А где бутылка-то?

– Как чужой в доме, честное слово! – прошелестело в темноте. – Здесь бутылка, на тумбочке!

Алла и Александр Иванович всегда старались демонстрировать друг другу особую любовь к дочери. Малейшие подозрения, будто он не думает о своей дочурке дни и ночи, были Куприянцеву обидны. Поэтому он живо шагнул в комнату, сунул дурацкие бумажки под матрас и, взяв с тумбочки бутылку, прижал ее к щеке, чтобы немного согреть, по крайней мере, пока обходит по периметру большую, на полкомнаты, кровать.

– На, маленькая, покушай! – обратился он к дочке, но бутылку протянул жене. Мало ли, сделаешь что-нибудь неправильно, потом крику не оберешься...

Машка с аппетитом зачмокала, присосавшись к бутылке. Алла и Александр Иванович смотрели на дочь с умилением. Шаткий мир в семье Куприянцевых был восстановлен. Ненадолго...

Морок воткнул лопату в суглинок и вывернул сухой рассыпчатый ком.

– Здесь, что ли?

Упырь пал на четвереньки, жадно принюхиваясь к ароматам, исходящим из недр.

– Ага! Тут они!

– Ну на, копай, – Станислав сунул ему лопату.

Старик с сомнением поглядел на белеющий во мраке черенок.

– Не... Я уж так. Нам когтями привычнее.

– Давай, как привычнее. Только не возись!

– А чего тут возиться... – старик заработал большими заgreбистыми ладонями, будто пес лапами.

Морок посторонился. Глина и песок ударили фонтаном. В одну минуту упырь прорыл глубокий узкий желоб, кольцом опоясывающий прогалину, после чего поднялся и стал вытирать руки о штаны.

– Ну а дальше что? – спросил Станислав.

– А дальше сама пойдет! – старик пригнулся по-волчьи и вдруг с места, без разбега, сиганул в самый центр прогалины. Земля дрогнула под ним, пошла змеистыми трещинами, а потом с глухим могильным шумом обвалилась в пыльную тьму.

Стылый подошел к яме. Где-то в глубине мелькнул кроваво-красный огонек.

– Готовое дело! – послышался голос упыря. – Спускайтесь, ваше степенство!..

Под гранитными сводами подземелья стояла гулкая тишина. Мраморный пол потрескался от времени и покрылся кавернами от капающей с потолка воды. Малахитовые колонны, поддерживающие своды, покрылись наплывами известняка. Между колоннами было пусто.

– Ну так где твоё войско, упырь? – надменно осведомился Морок.

– Да здесь они, по углам... – старик подошел к стене и топнул, раскатив по всему подземелью округлое эхо.

– Вставай, вставай, братва! Пришло наше время!

Ответом ему был глухой подземный стук. Сначала в одном, затем в другом конце подвала мраморные щиты пола зашевелились, ломаясь под ударами из могил. Одна из плит вдруг поднялась стоймя и опрокинулась, распавшись на куски. Над ямой показалась голова мертвеца, сплошь облепленная глиной. Скрежет и грохот наполнили подземелье. Одна за другой, изъеденные разложением и покрытые грязью фигуры прорастали сквозь вязкие пласты земли.

– А ну, становись! – скомандовал упырь прорезавшимся вдруг капральским басом.

Колченогое воинство, скользя по грязи и спотыкаясь, кое-как выстроилось вдоль стены.

– М-да-а... – протянул Морок, – хороши!

– Ничего! – упырь махнул лапой. – Почистим, подлатаем – сойдут за рабочий класс!

Стылый пересчитал новых подданных. Их было двенадцать.

Ну что ж, товарищ Куприянцев, подумал бригадир, неприятно улыбаясь, значит, говорите, сварщиков из-под земли достать?...

К двум часам ночи Александр Иванович, наконец, уснул. Перед этим он долго ворочался с боку на бок, уминая кочки и бугры старенького ватного матраса. В конце концов ему удалось вдавиться спиной в узкую кривую ложбинку, но оказалось, что комки свалывшейся ваты были не единственным препятствием на пути Александра Ивановича в морфеево царство. Счастье соперника, сумевшего опередить и в любви, и в фортунах, не давало покоя. Неужели правда, что Шамшурин женится на Людочке?! Чем же он, козел лысый, сумел охмурить девчонку?

Ну да бог с ней, с этой душой Людочкой! Академика! Академика-то чем он взял?! Бездарь ведь несусветная, серость и вор! Аспирантов кто припахал бесплатно ему поля считать? С квартирными очередями кто махинации устраивал? И этому авантюристу Иван Данилович доверил самое дорогое – лучшую в институте тему и дочь! Эх, Паркан, Паркан!...

С горькой усмешкой на измученном лице Александр Иванович, наконец, забылся и тихонько захрапел, что случалось с ним каждый раз, когда он спал на спине...

И сейчас же в дверь Куприянцевых постучали.

– Кто там? – скрипучим со сна голосом спросила Алла, накидывая халат.

– Александра! Иваныча! Срочно! – одышливо прокричали из-за двери.

– Слышишь? – Алла толкнула спящего мужа. – Тебя! Случилось что-то...

– Ну, чего там еще? – Куприянцев сел на кровати, раздраженно нашаривая ногой тапочки. – Только задремал...

– Александр Иванович! – грянуло за дверью. – Москва вызывает! Академик на проводе!

– На каком проводе? Какой академик? – Куприянцев запрыгал на одной ноге, тщетно пытаясь попасть ногой в штанину.

За дверью тоже приплясывали.

– Паркан! Сам академик Паркан! Тот, что по радио... Только что, вот как вас сейчас!

Александр Иванович, наконец, узнал по голосу сторожа стройуправления Кисельникова.

– Представляете: звонок! Вызывает Москва! На проводе Паркан! Здравствуйте, говорит, товарищ Кисельников! Позовите мне срочно к телефону Куприянцева А. И., живого или мертвого! Я все побросал – и к вам! Скорее, Александр Иванович! Он ведь ждет там! Такой человек!

– Да не кричи ты! Ребенок спит! Иду уже, иду! – Куприянцев кое-как натянул пиджак поверх незастегнутой рубашки, подхватил со стола папку с текущими нарядами и выскочил за дверь...

Вернулся он полчаса спустя, все такой же расхристанный, но совершенно изменившийся в лице. В глазах Александра Ивановича плавал туман такого глубокого недоумения, какое встречается только у людей, которым неожиданно вылили ведро воды на голову. Слепо ступая в темноте, Куприянцев прошел в кухню и медленно опустился на табурет.

– Что случилось, Саша? – истерзанная ожиданием жена проступила в дверном проеме белым приводением.

– Мы едем в Москву, – деревянным голосом произнес Куприянцев.

– Как в Москву? Тебя что, снимают со строительства?

Кандидат наук усмехнулся.

– Мне дают лабораторию в Головном...

– Ой, Сашка! – Алла захлопала в ладоши. – Погоди, а жить где?

– Трешка в высотке на Котельнической.

– Ох... – Алла нашарила в темноте вторую табуретку и села рядом.

– Слушай, а ты не врешь? Что-то голос у тебя не радостный...

Александр Иванович в замешательстве барабанил пальцами по столу.

– Да черт его знает... Я сам не пойму, радоваться или...

– Как это ты не поймешь?! – возмутилась Алла. – Я за тебя понимать должна? Что тебе академик-то сказал?

– Академик? – испуганно переспросил Куприянцев. – Да он, видишь ли... как тебе объяснить... в общем-то он мне... меня...

Терпение Аллы лопнуло.

– Ну что ты мычишь опять?! Всю жизнь промычал, и снова – «мню» да «меню»! Промычишь опять квартиру – я тебе устрою сладкую жизнь! Академик среди ночи звонит, помощи просит, а он – ни «бе», ни «ме»!

– Да не просил он помощи! – досадливо отмахнулся Александр Иванович, тоже начиная терять терпение. Жёнина трескотня мешала ему поймать какую-то ускользящую мысль

– Как же не просил, если лабораторию обещал! – не унималась Алла. – Чего ж ему надо было, ночью-то?

Александр Иванович уставился неподвижным взглядом в окно, на краешек луны, исчезающий за черной, резко очерченной стеной сосен, похожей на график пилообразного напряжения...

– Он мне в любви признался, – тихо проговорил Куприянцев.

– Ну! Так а я о чем тебе... – Алла вдруг запнулась. – Погоди... В какой еще любви?

– До гроба, – вздохнул без пяти минут доктор наук.

– Это что... в духовном смысле? – осторожно спросила жена.

– В плотском, Аля! В самом, что ни наесть, интимно-телесном! – Александр Иванович прислонился пылающим лбом к вечно холодному боку электросамовара.

– Только что вскипятила, – с опозданием предупредила жена...

Дуя на обожженный лоб мужа, он повторяла:

– Боже мой, боже мой! Академик! Государственный человек! Пожилой... – она вдруг заглянула Куприянцеву в глаза. – А почему – ты?

– Да откуда я знаю! – Александр Иванович сердито дернул плечом.

– Сашка! – не отставала жена. – Скажи правду! Подал повод?

– Сдурела совсем?! – если бы не темнота, Алла увидела бы, что супруг стал пунцовым. – Сама-то соображаешь, что несешь? Это ж статья!

– Статья не статья, – вздохнула Алла, – а сердцу не прикажешь... Если что, ты мне лучше сам признайся. Я пойму...

– В чем признаться?! – тихо взбеленился Куприянцев. – Дочь от кого у тебя?! Дура!

– Ага, я дура! – жена тоже перешла на сдавленный крик. – А почему же он позвонил именно тебе?!

– Сказано – не знаю! – чуть не плакал Александр Иванович. – Мало ли что этому психу в голову взбредет?! Видно, так уж карты легли...

Куприянцев вдруг замер. В темноте засветились белки его выпученных глаз.

– Карта! – прохрипел он и бросился в спальню.

Не обращая внимания на захныкавшую дочку, он включил верхний свет, рывком сбросил на пол постель вместе с матрасом и сразу увидел ее – мятую игральную карту, им самим засунутую под матрас и забытую. А ведь именно это велел сделать Станислав Морок, чтобы приворожить Лидочку Паркан!

Александр Иванович вспомнил вдруг, что, засыпая, несколько раз повторил «Паркан», «Паркан», как того требовала ворожба, но думал при этом не о Людочке, а об ее отце – академике! Да еще и лежал, вопреки инструкции, на спине!

– Мама! – слабо вскрикнул Куприянцев, и голос его прозвучал по-новому тоненько и пискливо.

Он схватил карту, поднес ее к глазам и без сил опустил на ржавую сетку. С похабной развязностью с фотографии на него смотрело лицо академика Паркана!

За время лежания под матрасом карта слегка измялась, в четырех местах была проколота остриями лопнувшей сетки, а главное – необъяснимым образом стала старше. Теперь это был король пик.

– Надо же... сработало, – тоненькое хихиканье Александра Ивановича испугало жену. – Нет, ты только посмотри! – Куприянцев хохотал все громче, не утирая сползающих по щекам слез.

– Король-то! – истерически вскрикивал он. – Король-то – голый!!!

В тот самый момент, когда товарищ Куприянцев разбудил городок строителей первым приступом безумного смеха, на берегу водохранилища, в том месте, где дремучий, еще не причесанный бензопилами, бор вплотную подступает к пляжу, показалась одинокая и во всех отношениях темная фигура. Увязая в рыхлом песке, она пересекла прибрежную отмель и усе-лась на поваленный ствол, возле когтистого, наполовину утянутого в песок корневища. Вспыхнула спичка, осветила на мгновение лицо Станислава Морока и улетела в воду. Остался только маленький огонек папиросы.

– Ну, хорошо, – бормотал Морок по укоренившейся за тысячелетия одиночества привычке разговаривать с самим собой. – Производственные задачи мы решили. Здание передовой науки будет построено в срок. Остается придумать, как разрушить его до основания... Не по кирпичикам разрушить, а по духу. Чтобы духу его здесь не было! Ишь, чего придумали! Протон, электрон – вот тебе и вся Вселенная! Ловко, шельмы, не спорю. Изящно даже. Только я вам этого не позволю. Вы у меня еще натерпитеесь страху! И с бубном плясать будете, и жертву кровавую принесете, дайте срок!...

Станислав сердито отбросил папиросу.

– Итак, что же мы имеем? На дешевые магические фокусы местное население не клюет. Не та эпоха. Нужна планомерная работа. Нужна организация...

Тихий всплеск вдруг размыл молочную полосу, протянувшуюся от ног Станислава к тому месту у горизонта, куда собиралась нырнуть луна. Морок поднял голову. Что там, рыба гуляет?

Плеск повторился. Лунную дорожку пересекла тень. Тонкая рука поднялась над водой и снова скрылась. Стылый взгляделся во тьму. Кому это вздумалось купаться в такую холодину? Вода здесь и летом не парное молоко, а уж теперь, холодными сентябрьскими ночами и вовсе зубы ломит... Впрочем, от институтской молодежи всего можно ожидать. Они и зимой в про-рубь полезут, не застесняются!

Плеск раздался снова – совсем близко от берега, и вдруг из-под воды поднялась во весь рост хрупкая девичья фигурка. Луна, готовая нырнуть у нее за спиной, остро прочертила силуэт девушки на фоне неба и моря.

Станислав хмыкнул. Несмотря на темноту, он сразу заметил главное: девушка была очень красивой, абсолютно голой и нисколько не стеснялась. Море ей было по колено во всех смыс-лах.

– Здравствуй, одинокий рыбак! – девушка шагнула на берег. – Я купалась в реке, увидела тебя и полюбила!

С ее волос стекали лунные потоки, затейливо выбирая путь по изгибам тела.

– Разреши мне поцеловать тебя, о, юноша!

Станислав смерил ее внимательным взглядом.

– Ну, поцелуй...

Девушка торопливо откинула волосы, наклонилась к сидящему Мороку и впиалась губами в его рот.

Ледяная волна окатила вдруг Станислава, пронизав его тело запредельным, каким-то криогенным морозом, словно коварная пловчиха опрокинула над ним сосуд Дьюара и плеснула в лицо жидким азотом. Прикосновение этих губ было бы смертельным для любого человека. Но не для Стылого Морока. Вдохнув ледяную волну, он ответил на поцелуй.

Девушка с пронзительным криком отскочила, прижимая ладони к обмороженным губам. Она хотела было нырнуть в воду, но Стылый щелкнул пальцами, и тело ее, описав в воздухе дугу, ударилось о ледяную корку. Лед широкой полосой отделил береговую линию от чистой воды.

– Встань, подойди, – негромко приказал Морок.

Девушка со стоном поднялась и, прихрамывая, вернулась к нему.

– Кто ты? – спросил Стылый. – Именем Тартара – отвечай!

– Накхта... – девушка опустила голову, зябко повела плечами. Волосы ее покрылись инеем.

– Русалка?

– Да... – уныло кивнула она и, подумав, добавила:

– Мой господин...

– Чем это ты тут промышляешь, Накхта? – насмешливо спросил Морок. – Отчего тебе на дне не сидится?

Девушка бросила на него осторожный взгляд.

– Там страшно, господин... Затопленные деревни. Мертвые домовые. Я их боюсь. Они злые.

– А ты, значит, добрая? Тихо-мирно людей гробишь?

– Люди завалили мой дом камнями! – в голосе русалки скрипнул колючий иней. – Они похоронили моих сестер под плотиной, перегородили реку, сделали ее мутной лужей. Но это еще не самое страшное. Они затопили свои собственные кладбища, заставили мертвецов жить на дне. Под водой теперь тесно...

– Зачем же ты еще новых туда тянешь? – спросил Морок.

– Я хочу, чтобы они это увидели...

Накхта, дрожа, переступала босыми ногами в снежной каше. Ледяная полоса вдоль берега постепенно таяла.

– Твой рассказ тронул меня, мокрая тварь, – высокомерно произнес Морок. – Я позабочусь о тебе.

– Спасибо, господин! – русалка опустилась на колени, погружившись в ледяное месиво почти по пояс. – Я постараюсь усладить твой досуг всем любовным жаром, на какой способно мое тело... если тебе будет угодно им воспользоваться.

– А вот это ты брось, – Морок строго нахмурил брови. – Что за нимфомания еще?

– Так я ведь нимфа, – Накхта позволила себе улыбнуться сквозь упавшие на лицо пряди волос. – Все, что у меня есть – это мое тело.

– Вот и не разбрасывайся им налево и направо!

– Разве оно некрасиво? Мне нравится дарить мое тело. Я хочу принадлежать тебе, мой господин!

– Ты и так принадлежишь мне, – Станислав протянул руку и взял девушку за подбородок. – Я могу сделать с тобой все, что захочу. Превратить в кусок льда или бросить в печь...

– Да, да... – шептала русалка.

Снег под ней таял и испарялся.

– Но сейчас у меня другая прихоть. Ты будешь жить на суше. Среди людей. И служить мне, – он пристально глядел в ее прозрачные глаза. – А дарить тело и отнимать жизнь будешь только по моему приказу.

– О! Только прикажи, господин!

– Ну все, остынь, – Морок оттолкнул девушку. – Завтра на этом же месте получишь одежду и бумаги. Люди не живут без бумаг. А пока иди, плавай. И чтоб никаких утопленников!

Когда круги на воде перестали тревожить лунную дорожку, Станислав поднялся и направился к лесу.

– Вот теперь, – прошептал он, – я настоящий бригадир!

1970. Инъекция счастья

Дождь то совсем заливал ветровое стекло, то вдруг отступал, словно отбрасываемый светом фар, и тогда впереди мелькали мокрые стволы деревьев и низкорослые кусты. Холодная сырость проникала сквозь ветхий брезент в кабину, и даже бешенная тряска не могла меня больше согреть. Дороги не было. То, что я принял за дорогу, оказалось всего лишь просекой, неизвестно куда ведущей сквозь лес. Но поворачивать назад не хотелось. Если я еще не окончательно потерял направление, где-то здесь должен проходить тракт. Рано или поздно я выберусь на него, мне просто больше ничего не остается, и вот тогда... какой же русский не любит быстрой езды!

Далеко впереди вдруг мелькнул свет, и скоро отчетливо стали видны фары приближающегося автомобиля. Ну, так и есть! Вероятно, просека выходит прямо к тракту. Вот это удача!

Я не мог прибавить газу, опасаясь налететь на пень, или засесть в какой-нибудь канаве в двух шагах от дороги. Однако встречный автомобиль тоже двигался очень медленно, и скоро я с удивлением заметил, что его также кидает на кочках и рытвинах. Что за черт? Еще один горе-путешественник пробирается по просеке? Нет, это, наверное, трактор из лесничества, или деревенские браконьеры потихоньку.

Когда до машины оставалось метров тридцать, я уже заподозрил неладное. Навстречу мне двигался точно такой же старенький «газик», как у меня. Он совершенно синхронно с моим проваливался в рытвины и подпрыгивал на ухабах.

Начиная догадываться, в чем дело, я остановился и вышел из машины. Возле открытой дверцы того «газика» тоже стоял человек. Помахав рукой, я убедился окончательно – передо мной было мое собственное отражение!

Сразу вспомнился эпизод из кино: шпионы натягивают на горной дороге большой лист фольги, и герой, пытаясь отвернуть от «встречной машины», летит в пропасть. Но кому понадобилось так тонко шутить здесь, в лесу?

Подняв воротник, я направился навстречу своему отражению. Мне хотелось рассмотреть вблизи и потрогать неведомую преграду, однако зеркальная поверхность была настолько чиста, что даже подойдя вплотную, я никак не мог ее увидеть. Мало того, на ней не было ни одной капли воды, а ведь дождь продолжал лить, и его струи металась в разные стороны, подчиняясь порывам ветра. Что же это за материал? Я вытянул руку навстречу зеркальному двойнику и вдруг с ужасом ощутил прикосновение его влажной и теплой ладони.

Не успев сообразить, в чем дело, я без оглядки бросился к машине. Мне казалось, что ожившее отражение, усмехаясь, глядит мне вслед. Только в машине я почувствовал себя в относительной безопасности и рискнул поднять глаза. «Газик» двойника стоял на прежнем месте, но его самого не было. Видимо, он продолжал разыгрывать из себя отражение и тоже залез в кабину. А может, все-таки показалось?

Сидеть без движения было невозможно, зубы стучали не столько от страха, сколько от холода. Наконец, я решился, быстро отворил дверцу, выбрался из машины и только тогда поднял глаза на двойника. Он стоял напротив.

Медленно, останавливаясь после каждого шага, я снова приблизился к незримой черте, отделявшей меня от него.

– Спокойно! – сказал я, обращаясь к нам обоим, – не надо нервов!

Снова медленно поднялись руки – моя правая и его левая – и снова встретились. Да, это без сомнения была человеческая ладонь, хотя я и не мог ее толком ощупать, так как пальцы всегда натыкались на пальцы. По той же причине мне поначалу никак не удавалось дотронуться до какой-нибудь другой части тела двойника. Я попытался было делать обманные движения – размахивал руками, приседал и снова, но это ни к чему не привело. С тем же успехом можно

было проделывать подобные упражнения перед зеркалом. Страх постепенно проходил, уступая место любопытству. Неужели передо мной, в самом деле зеркальный двойник? Но как войти с ним в контакт, или, хотя бы, дотронуться до него? В конце концов я нашел решение и коснулся его лбом, затылком, спиной, коленом и носом. Сомнений не было – это не отражение, а живой человек, однако общаться с ним совершенно невозможно, ибо любые мысли приходят нам в голову одновременно, и все действия абсолютно синхронны. Я не мог ни договориться с ним, ни обойти, ни оттолкнуть. Передо мной была идеальная преграда – я сам.

Из глубины леса послышался вдруг треск сучьев. Человек или зверь пробирался там через бурелом. Шум постепенно приближался, но откуда именно он идет, определить было трудно. Я замер, прислушиваясь.

Впереди, за спиной двойника качнулись кусты, и из чащи на просеку выбралась темная фигура. За ней показалась другая, третья, четвертая. Выстроившись цепью, они медленно побрели ко мне. Свет фар упал на их лица, вернее, на их лицо, потому что у всех четверых оно было одно. Мое.

Я быстро оглянулся. Нет, сзади никого не было, они действительно шли только **оттуда**. Один из них, приблизившись к «газику» двойника, открыл дверцу и влез внутрь. Остальные трое последовали за ним. Прогудел сигнал, и двойник, до сих пор прилежно игравший роль моего отражения, вздрогнул, повернулся и побежал к машине. Он сел за руль, завел мотор, и «газик», развернувшись, быстро укатил в темноту, исчезли даже его огни.

Я не знал, что подумать. Любой нормальный человек на моем месте давно бы мчался в противоположную сторону и газу бы поддавал. Но я уже не чувствовал себя нормальным человеком.

В лесу снова послышался треск, и на просеке показалась еще одна фигура. Но это был не двойник. Ко мне, жмурясь от света, приближался немалого роста бородатый старик в длинном плаще. Подойдя вплотную, он небрежно, как старому знакомому, сунул мне широкую ладонь и, глядя на машину, произнес:

– Бог на помощь, странничек... Чего озираешься-то, напугал кто?

– Да нет, – ответил я, внимательно разглядывая его, – кто меня мог напугать?

– Ну, мало ли, – он безразлично пожал плечами, – бывает, померещится... А едешь откуда?

Я рассказал ему, что сбился с дороги.

– Это с тракту, что ли? Далеко ж тебя черти занести... Тут, парень, до тракту знаешь сколько? К утру тебе не доехать. Давай, глуши мотор, пойдем греться, сыро.

Я огляделся по сторонам. Оставлять машину на просеке не хотелось.

– Может, поближе подъедем?

Старик покачал головой.

– Ближе не подъедешь. Да и не сделается ничего с твоим тарантасом, тут недалеко...

Мы прошли около километра, продираясь сквозь густой ельник, и оказались на большой поляне у подножия лохматой сопки. Дождь кончился, над лесом повисла крупная луна, освещающая двухэтажный бревенчатый дом в центре поляны. Старик прибавил шагу. Я немного отстал, оглядываясь по сторонам, но кроме еще одной, низенькой постройки в стороне от дома, ничего разглядеть не сумел.

Неожиданно откуда-то сверху, как мне показалось, с крыши дома, послышался тихий встревоженный голос:

– Что, все уже?

– Все, все, – буркнул старик, торопливо поднимаясь на крыльцо.

– А что вы с ним сделали?

Старик на мгновение замер у двери.

– Ну, ты! – гаркнул он вдруг. – Чего несешь-то спросонья, спать ложись! – и, повернувшись ко мне, кивнул головой, – заходи, заходи.

Он открыл дверь. Тусклый свет керосиновой лампы упал на крыльцо.

– Ох! – раздалось наверху, и луна блеснула в чьих-то глазах, широко раскрытых от удивления.

– Ну? Скоро? – спросил старик, обращаясь не ко мне, а к человеку на крыше.

– Да ладно, ложусь уже! Прячьтесь, – ответил тот.

Мы вошли в дом и, миновав заставленные разной рухлядью сени, оказались в просторной комнате с длинным столом и печью у стены. За столом, подперев кулаком сизую испитую ряшку, дремал парень в грязной майке. Руки его до плеч были расписаны синими узорами. У окна, устремив вдаль твердый, чуть ироничный взгляд, стоял видный седой мужчина в дорогом сером костюме. И, наконец, в углу, спиной ко всем, верхом на колченогом стуле, сидела и курила тощая белокурая девица в узких бриджах и сапогах на высоком каблуке, вся в ремешках и на замочках. Она даже не обернулась, когда мы вошли, и продолжала задумчиво пускать дым в потолок. Седой же, напротив, любезно мне улыбнулся и отвесил полный достоинства поклон. Узорчатый парень поднял голову, окинул меня с ног до головы мутным взглядом и хмыкнул.

– Дохтор, – произнес старик, снимая плащ, – ты, что ли, сегодня кухарил? Подавай.

Седой, не меняя гордого наклонения головы, величественной поступью подошел к плите, снял с нее большой чугунок, накрытый облупленной эмалированной крышечкой, и поставил его на середину стола.

– Какую миску дать молодому человеку, Хозяин? – осведомился он у старика.

– Студентову давай. Он на крыше нонче...

– Спасибо вам большое, – сказал я старику, хотя неестественность этого странного собрания сильно действовала мне на нервы, – выручили вы меня. Вот только, извините, имени и отчества вашего не знаю...

– А и не надо тебе мое отчество. – старик уселся во главе стола, огладил бороду. – Хозяином зови. Они так зовут, и ты зови. Тут, парень, все без отчества. Это вот – Дохтор (Седой кивнул и принялся разливать по мискам красный борщ), этот в майке – Блатной, а вон то, – Хозяин указал на девушку, все еще сидевшую к нам спиной, – вон то – Заноза...

– И если вы обратили внимание на крышу, – вставил Доктор, – то могли видеть там еще одного члена нашего маленького общества, так называемого Студента.

– А вы здесь просто так собираетесь, – спросил я как можно беззаботнее, – или у вас учреждение?

У девушки вдруг затряслись плечи. Она выронила сигарету и прижата ладони к лицу. Я думал, она разрыдается, но оказалось, что ее сотрясает безудержный хохот.

– У-учре... Ой, не могу! Учреждение! Слу... слушай! Санаторий тут! У-умора! Курорт! Она, наконец, повернулась лицом ко мне. Очень симпатичное лицо. Даже красивое.

– Ну, ты даешь, Пациент!

Кличка, данная мне девушкой, приклеилась мгновенно. В следующей же фразе Доктор назвал меня Пациентом. Блатной произносил это слово с трудом, но переименовывать не пытался, что же касается Хозяина, то ему было совершенно все равно, как меня называть, и поэтому он удовлетворился этим именем, как первым попавшимся. Заноза, между тем, продолжала веселиться:

– Хозяин! Когда пойдем на процедуры?

Блатной снова хмыкнул, но старик нахмурился:

– После. Поесть-то надо, нет?

Доктор поднес ему на плоской тарелке пару соленых огурцов, головку чеснока и граненый стакан, до краев наполненный мутноватой жидкостью. Хозяин, никого не приглашая, вытянул

жидкость, хрустнул чесноком и потянулся к борщу. Остальные, заняв свои места у стола, тоже принялись за еду. Я решил ничему не удивляться, по крайней мере до тех пор, пока не отогреюсь и основательно не закушу.

Некоторое время все молчали.

– Завтра на крыше Блатной, – сказал, наконец, Хозяин. – А кухарит Заноза...

– Кстати, продукты кончаются, – заметил Доктор, – и, с позволения сказать, кухарить становится затруднительно. Надо бы кого-нибудь послать в деревню.

– Ничего, – буркнул Хозяин, – может, скоро на машине съездим...

Я поднял голову и вдруг заметил, что Блатной, разинув рот, с испугом смотрит куда-то мимо меня.

– Во! – произнес он, указывая, как видно, на окно у меня за спиной. Заноза, сидевшая рядом с ним, тоже подняла глаза и сейчас же сморщилась, как от боли.

– Гадость какая... – прошептала она.

Я резко обернулся, но увидел лишь чью-то огромную спину, удаляющуюся в темноту. Спина была голая и иссиня-белая.

– Слушай, Блатной, – сказала Заноза, – выйди, разбуди его. Что он, в самом деле, нельзя же так!

– Х... тебе, – спокойно ответил Блатной, – сама выйди.

– Цыц! Пусть спит, – сказал Хозяин, – все нормально, ясно? Доктор, ты чего сидишь?

Компот давай!

Самое страшное – я представления не имел, как себя вести. Кого они хотят будить? Неужели эта голая туша за окном – Студент?

– У него что, лунатизм? – осторожно спросил я.

– У кого? – не понял Хозяин.

– У Студента.

Доктор поставил передо мной стакан с компотом.

– Знаете что, Пациент, – сказал он, – вы не обращайтесь внимания. Ей-богу, ничего интересного не происходит. И со Студентом все в порядке – он спит на крыше. Там, видите ли, свежий воздух, А завтра на крыше будет спать Блатной. По той же причине.

– Я же говорю – санаторий! – хихикнула Заноза.

– Ну, допивай компот и пойдем, – сказал мне Хозяин, – покажу помещение.

По широкой скрипучей лестнице мы поднялись на второй этаж и оказались в небольшом коридоре, по обеим сторонам которого было несколько дверей. К моему удивлению, некоторые двери были аккуратно подписаны. Слева: «Доктор», «Блатной», справа: «Студент», «Заноза». Хозяин открыл самую дальнюю дверь по правой стороне, зажег огарок свечи и протянул его мне.

– Вот, располагайся. Отдохнешь хорошенько, а утром поговорим...

Он повернулся, было, чтобы уйти, но спохватился:

– Да! Если, часом, захочешь по нужде – вон в ту дверь. На двор не ходи. И окна на открывай...

– А почему? – спросил я.

Хозяин посмотрел на меня укоризненно.

– Ну, сказано – не ходи, и не ходи, не открывай – стало быть, не открывай. Мало ли что?

Время ночное...

Он покачал головой и ушел.

Комната была совсем маленькая, железная кровать, покрытая бледным от старости одеялом, занимала почти все пространство от двери до окна. В углу, на облезлой деревянной вешалке висела не то лохматая шуба, не то просто шкура. Пахло псиной. Я задул свечу и подошел к окну. Луна освещала серебристую после дождя поляну, над верхушками елей проноси-

лись небольшие темные облака со светящимися рваными краями. В доме все утихло, снаружи тоже не доносилось ни звука. Некоторое время я вглядывался в кромку леса, мне все казалось, что там копошится какая-то бесформенная масса. Но это мог быть и туман или просто рябь в глазах.

«А идите вы все... – подумал я, разулся, повесил мокрую куртку на спинку кровати и залез под одеяло. – Спать я хочу, вот что...»

...Мягкий лунный свет заливает комнату и шепчется о чем-то с притаившимися в углах тенями. Тихо-тихо открывается дверь, и на пороге появляется девушка в белом платье. Она бесшумно подходит и склоняется надо мной. Я чувствую прикосновение ее нежных пальцев. Она что-то говорит мне на ухо...

Я вздрогнул и окончательно проснулся.

– Вставай, вставай, Пациент, – говорила Заноза, толкая меня в плечо. Она была в длинной ночной рубашке, ее распущенные волосы задевали меня по лицу.

– В чем дело? – спросил я, садясь на кровати.

– Тсс! Ты вот что, Пациент, если хочешь живым отсюда убраться, пусти меня в свою постель.

Она говорила это таким естественным и убедительным тоном, будто предлагала помидоры со своего огорода.

– Гм! – сказал я. – Однако, ты даешь!.. Уж больно неожиданное предложение...

– Идиот! – возмутилась Заноза, – ты что считаешь, я сюда любовью с тобой заниматься пришла? Да ты посмотри на себя! Каракатица... А, впрочем, черт с тобой! Пожалуйста, мне не жалко, – она вдруг принялась стаскивать с себя рубашку, – только быстро давай, чтоб до прихода Хозяина... Ты потом спрячешься под кроватью, а я останусь, вместо тебя, понял?

Заноза, наконец, справилась с рубашкой и комкала ее в руках, глядя, куда бы бросить. Она была чертовски аппетитно сложена, эта сумасшедшая девица, политая лунным светом, как сметаной.

– Ты погоди раздеваться-то, объясни толком! – зашипел я. – Что там про Хозяина? Зачем это он сюда придет?

– Дурак, – неожиданно спокойно произнесла Заноза, – я же говорю – санаторий здесь. Вот и всадит тебе Хозяин этой ночью прививочку. А от прививочки этой ты, Пациент, навсегда Пациентом останешься, и уж никакого имени-отчества у тебя не будет больше...

– Ну а ты-то зачем лезешь на мое место? – спросил я.

– А мне все равно! Я в свое время разок попробовала. Так что без Хозяина мне теперь долго не протянуть. Да и никому здесь не протянуть, а он, сволочь, пользуется этим и веревки из нас вьет. Сегодня меня без дозы оставил...

– А-а! – Я начинал понимать. – Он что же, наркотики вам колет?

Заноза подошла к окну, выглянула во двор и сейчас же задернула занавеску. Стало совсем темно.

– Нет, Пациент, тут вещь посильнее наркотиков. Он нам счастье наше продает...

– Как это счастье?

– А так. Именно так, как мы его себе представляем...

Я хотел было спросить еще что-то, но Заноза вдруг подскочила ко мне и прямо в лицо сунула свою скомканную рубашку.

– Тсс! Слышишь? Идет! – прошептала она и, толчком усадив меня под вешалку, обрушила сверху тяжелую сырую шкуру. Покончив со мной, она улеглась в постель и натянула на себя одеяло. В ту же минуту дверь открылась без скрипа, и кто-то осторожно заглянул в комнату. В темноте почти ничего не было видно, но чесночный дух и сивушный перегар удостоверяли личность лучше паспорта.

И действительно, скоро очертания массивной фигуры Хозяина проступили на фоне стены. Двигаясь уверенно, но почти бесшумно, он подошел к постели и наклонился. Наступила долгая тишина. Казалось, ни одной живой души нет на сотни километров вокруг, и это жуткое безмолвие тянется уже сотни лет. Наконец что-то тихо звякнуло, и к перегару вдруг прибавился запах жженого сахара. Хозяин выпрямился и быстро вышел из комнаты.

Когда в коридоре затихли его шаги, Заноза отбросила одеяло и села на кровати.

– Ну, что? – спросил я.

– Молчи, сейчас увидишь. Вот! Начинается!

Она поднялась, и я вытаращил глаза от изумления – на ней было черное блестящее платье, голые плечи укрыл газовый шарф, а на лице появилась бархатная полумаска. В комнате вдруг стало быстро светлеть, но вместо стен и потолка с отступлением темноты открывалась невообразимая даль. Я глянул под ноги и застыл. Земли не было, где-то далеко внизу клубилась белая пелена облаков.

– Скорее, – сказала девушка, – меня ждут!

Она шагнула, словно в пропасть, с невидимой площадки, которая была когда-то полом комнаты, и закружилась в свободном падении, стремительно удаляясь.

– Не отставай-ай! – услышал я, и опора подо мной вдруг исчезла...

Я, к своему счастью, не верил в реальность происходящего, иначе скончался бы в первое же мгновение полета.

Ветер засвистел у меня в ушах, и облака стали медленно приближаться. Кувыркаясь в воздухе, я увидел красный шар солнца – он тоже падал в туманное море. Мы врезались во мглу одновременно со светилом. Облачный слой был, видимо, очень толстым, и по мере погружения в него молочно-белая пелена, окутавшая меня, сменилась светло-серой, быстро превратилась в темно-серую и, наконец, стала черной. Я падал в полной темноте.

И вдруг совсем близко вспыхнуло море огней – подо мной был большой город! Светящиеся стрелы улиц со всех сторон вонзились в яблоко-площадь, пылающее золотым огнем. Все это быстро приближалось, и вот уже деревья какого-то парка метнулись мне навстречу. Я зажмурился, ожидая удара, но вместо этого ощутил легкий толчок в спину.

– Эй, приятель! – крикнул кто-то у меня над ухом. – Посторонись немного или шагай веселей, а то опоздаем на площадь!

Я открыл глаза и обнаружил, что стою на песчаной дорожке парка, а мимо меня валит пестрая толпа в карнавальных нарядах. Смирный гнедой пони, запряженный в тележку, увитую цветами и лентами, тихонько подталкивал меня сзади. В тележке сидел румяный толстяк в зеленом жилете, разлинованный, как арбуз, и две девушки в масках и нарядных платьях. Они смеялись и бросали в меня серпантин.

Я посторонился, пропуская пони, и пошел рядом с тележкой. На мне, как оказалось, тоже был надет какой-то шутовской балахон с кружевами. Он был белый, с черной, украшенной завитушками, заглавной буквой «П» на груди.

Вся праздничная толпа двигалась к выходу из парка, чтобы влиться в людскую реку, текущую по широкой, залитой светом улице.

В небе над нами то и дело вспыхивали букеты разноцветных ракет.

– Это буква «П» у вас на груди означает, как видно, «Пьеро»? – смеясь, спросила одна из масок, сидящих в тележке.

– Ах, если бы кто-нибудь мог это знать! – ответил я.

– А я знаю, – сказала другая.

– Ну и что же, по-вашему, означает это «П»? – спросил я, улыбаясь.

– «Пациент», – произнесла маска, и я сейчас же узнал ее.

Но тут пони, выбравшись на широкую дорогу, пустился вскачь, и скоро я потерял тележку из виду.

Улица была полна крика и смеха, музыки и веселья. Люди, фонари, лошади, дома – все плясало, в то же время дружно двигаясь вперед. На больших платформах, влекомых шестерками лошадей, возвышались громадные конструкции, усыпанные цветами, фонариками и мальчишками.

Я оказался вблизи одной такой платформы. На ней была установлена высокая пирамида, состоящая как бы из колец разного размера, нанизанных на одну ось. На уступах пирамиды расположились пестро раскрашенные клоуны, жонглирующие апельсинами, шляпами и даже горящими факелами. На самой вершине стоял атлетического сложения молодой человек и держал на плече тоненькую девушку в разноцветном трико. Их лица тоже были ярко раскрашены, а на голове у гимнастки красовалась островерхая шляпка с бубенцами.

Мы приближались к перекрестку, где вся процессия разделялась на два рукава, огибавшие большой мраморный фонтан. Струи воды, изрыгаемые золотыми львами, высоко взлетали в воздух и с шумом падали в центре фонтана. Громоздкая платформа, неуклюже поворачиваясь, задела колесом парапет, пирамида накренилась и клоуны под общий хохот посыпались прямо в воду. Вмиг поверхность фонтана, который оказался довольно глубоким, покрылась головами и шляпами.

Гимнаст и его партнерша тоже не удержались на вершине пирамиды и прыгнули в воду. Некоторое время они не показывались на поверхности и вынырнули, наконец, возле самой лестницы, ведущей из воды на мостовую. Подхватив девушку на руки, гимнаст поднимался по мраморным ступеням, словно Нептун, выходящий из моря. Они весело смеялись, серебряные ручьи стекали с длинных волос девушки, вода смыла грим, и я снова узнал ее, но в этот момент подкатил маленький лоскутный фургон и, забрав обоих, быстро скрылся из виду.

Я отправился дальше, разглядывая праздничную толпу и тщетно пытаюсь понять: если все это – сон, то кому он снится? Было очевидно, что главный герой всего происходящего не я. Значит, сон чужой. Но чужой сон нельзя увидеть. Значит, это не сон. Но тогда получается, что на карнавал я действительно упал с неба, а это может быть только во сне. Круг замкнулся.

Я отведал мороженого, поднесенного мне дородной краснощекой женщиной в белом колпаке. Мороженое было очень вкусное и холодное, в его реальности сомневаться не приходилось. Для опыта я даже положил кусочек под язык и сейчас же взвыл от морозного укола, но нет – не проснулся.

Улица вдруг раздалась в стороны, и карнавальная толпа вылилась на площадь. Над головами запрудившего ее народа металась разноцветная пестрота. В центре площади возвышалась большая, ярко освещенная сцена. Она была еще пуста, но именно на нее, не отрываясь, смотрели все собравшиеся. Пульсирующий гул и гомон накатился откуда-то издалека и, достигнув меня, превратился в дружный хор голосов.

– Свет-ла-на! Свет-ла-на! – грянули вокруг, и буквы этого имени вспыхнули вдруг в небе над площадью. Я взглянул на сцену и снова увидел ее – девушку, каким-то непостижимым образом заманившую меня в свой сон. В длинном черном платье и теперь уже без маски, счастливо улыбаясь людям, на сцене стояла Заноза.

Заноза?!

Черная вспышка ударила вдруг в глаза, мгновенно уничтожив и залитую светом площадь, и пеструю толпу на ней, тьма и тишина разом навалились на меня и с непостижимой силой бросили на землю. Сначала мне показалось, что я ослеп и оглох, но постепенно глаза привыкли к темноте, и тогда во мраке проступило белое, колышущееся пятно – это Заноза, сидя на кровати, облачалась в свою рубашку.

– Алкаш вонючий, – ругалась она шепотом, – и тут пожалел! Полдозы сэкономил, гад... Слова относились, по-видимому, к Хозяину.

– Что это было? – спросил я, поднимаясь с пола и пристраивая на вешалку шубу.

Заноза ничего не ответила. Она встала, подошла в двери, прислушиваясь, нет ли кого в коридоре. Мне пришлось продолжать самому:

– Я сейчас видел сон, но он странный был какой-то. Все время казалось, что снится он тебе.

– Сон? – Заноза обернулась. – Дурак! Если бы мне снился сон, тебя бы тут уже не было. Ты попробуй на улицу выйди. Там Студенту как раз сон снится. Обхохочешься! Пока жив будешь.

– Это в каком смысле?

– Да в любом. Сон! Хорошо бы сейчас, в самом деле, поспать. А? – Она вздохнула. – Поспать... Просто лечь и вздремнуть... Ты вот что, Пациент, надевай-ка куртку свою, становись к двери и слушай. Как Блатной пойдет Студента сменять, так и ты за ним. Выберешься во двор – сразу беги, не жди, чтоб хватились. Уходи в лес и не останавливайся, сколько сил хватит, хоть ползи. Если уйдешь далеко, пока у них пересмена, тогда, может, и спасешься, понятно?

Ничего мне не было понятно. И главным образом непонятно, зачем она хочет меня запугать. Видимо, пытается избежать расспросов о том, что происходило здесь, в этой комнате, несколько минут назад.

– Хорошо, – сказал я, – раз уж у вас тут так плохо и страшно, я побегу. Но сначала расскажи мне, где мы с тобой были только что, ведь если это не сон, то карнавал, значит, происходил на самом деле?

– Да, – твердо сказала Заноза, – на самом деле. Здесь все происходит на самом деле, хоть и от укола...

Карнавал от укола, подумал я. Бред!

– А что он вам колет такое?

– Не знаю, – Заноза пожала плечами, – зелье какое-то. Хозяин его прячет от всех, по капле получаем, а где достает – никому не известно. Говорят, раньше просто пить давал, это Доктор его надоумил с уколами...

– Доктор? Он что, тоже здесь счастье нашел?

– Да он давно уже тут. Видно, нашел.

– А чем он занимается? Каждый раз устраивает вручение себе Нобелевской премии?

– Не знаю, что он там устраивает, только из комнаты своей выпадает весь в помаде и с расстегнутыми штанами...

– А зачем все это Хозяину? Он с вас деньги берет?

– Деньги... Деньги – это так, попутно. И все остальное – попутно...

– Но для чего же он пичкает вас зельем?

– А ты не понял еще? – Заноза усмехнулась и, подойдя к окну, отдернула занавеску. – Вот для чего, смотри!

Я глянул во двор. Луна все так же освещала поляну, но вместо мокрой серебристой травы я увидел сплошной ковер копошащихся на земле длинных червеобразных тел. Они сами излучали мутный, бледно-голубой свет, то собираясь в студенистые, ритмично подрагивающие кучи, то вдруг расплываясь в разные стороны, и тогда в земле открывались черные бездонные провалы.

– Что это? – спросил я, отворачиваясь от окна. Картина была страшной и в то же время вызывала тошноту.

– Ничего особенного, – ответила Заноза. – Это сон Студента.

Она равнодушно окинула взглядом двор и добавила:

– Еще так себе... бывает и пострашнее... а в общем-то всегда одно и то же. После укола, если в комнате запереться, наступают чудеса, все исполняется, чего ни пожелаешь, любая мечта сбывается... Потом, когда кончится действие снадобья – вроде становишься опять обычным

человеком. Но только ляжешь спать, начинаются кошмары. Ты спишь, а они наяву... В комнате совсем спать нельзя, а на крыше – ничего, не опасно.

Хозяин говорит – это для охраны хорошо, но только все знают, что для него главное удовольствие – на такие гадости смотреть. Сидит у окна и любитесь...

– А сам-то он употребляет?

– Употребляет, да не то. Пьет, как лошадь. Ты разве не заметил? Алкоголик он. Из-за этого, говорит, уколы на него не действуют. А может, и врет, бережется просто...

– И все-таки мне непонятно. Ну, любитесь он всем этим, – я покосился на окно, – ну и что дальше? Зачем ему это нужно?

– Ох и надоел ты мне со своими вопросами! Любопытный какой-то, прямо как Студент. Тот тоже сначала все выспрашивал да интересовался, а теперь утих – понял, что от вопросов доза не растет.

Заноза подошла к двери и выглянула в коридор.

– Хочешь отсюда смотаться – смывайся, – говорила она уже шепотом, – для этого бегать быстро надо, а не расспрашивать, что да зачем. Понял? Ну, все. Привет!

Она вышла в коридор и, неслышно ступая, удалилась. Я остался один. Картина за окном изменилась: там клубился теперь белесый фосфоресцирующий туман. В нем время от времени двигались гигантские уродливые тени.

Галлюцинация, думал я. Гипноз! Но сам себе не верил. Просто было страшно признаться, что я ничего не понимаю. «Здесь все происходит на самом деле», – говорила Заноза. Но ведь это невозможно. Невозможно мгновенно создавать и уничтожать города со всем их населением. Невозможно превращать всю округу в живую кашу из каких-то чудовищ, приснившихся одному человеку. Откуда все это берется? Куда потом девается? И что мне-то надлежит делать в данной ситуации? Бежать, куда глаза глядят, как советует Заноза? Ну, нет, бежать рановато. Я просто обязан взглянуть на это зелье, материализующее мечты и кошмары...

Доски пола тихо поскрипывали, когда я шел по коридору. Мне не удалось найти комнату Хозяина. Я подолгу стоял, прислушиваясь, возле каждой неподписанной двери, затем осторожно открывал ее и заглядывал внутрь. Ничего. Незаняты были еще три комнаты, кроме моей, но в них не было даже мебели. Видимо, апартаменты Хозяина располагались на первом этаже.

Я направился к лестнице и вдруг услышал шаги: кто-то поднимался по ней мне навстречу. Это мог быть Хозяин, и я вовсе не хотел, чтобы он увидел меня здесь. Ближе всех была дверь с надписью «Блатной», я толкнул ее, и она подалась. Что там, за ней? Если уж Доктор позволяет себе цветастые оргии, то этот, наверное... Но шаги приближались, и выхода у меня не было. Я открыл дверь и вошел.

Сразу за порогом начинался светлый от берез лес, сквозь листву проглядывало яркое голубое небо. Дверь бесследно исчезла, едва я закрыл ее за собой, прямо под ногами начиналась тропинка, ведущая куда-то вдаль. Меня удивило не отсутствие комнаты – с этим я, оказывается, успел освоиться – но та умиротворенная тишина и покой, которых никак нельзя было ожидать здесь.

Я отправился вперед по тропинке. Через какую-нибудь сотню шагов за деревьями блеснула река. С берега тянуло дымком, там у костра сидели два человека и о чем-то весело беседовали. В одном из них я узнал Блатного. Подойдя поближе, я, увидел еще троих: один сидел с удочкой у воды, а двое – парень с девушкой – прогуливались вдоль берега. Блатной, заметив меня, несколько не удивился.

– А, Пациент! – сказал он, пошевеливая палочкой дрова под кипящим котелком. – Садись, сейчас уха будет. Да вот, знакомься, кореш мой, Петюха.

Я представился и сел у костра. Петюха молча улыбнулся, подхватил лежащее возле него удилище и направился к реке. Блатной долго смотрел ему вслед потом повернулся ко мне и вздохнул:

– Из нашей деревни он. На севере замерз...

Я очумело поглядел на Блатного. Черт! Опять забыл, где нахожусь. Ну конечно, откуда тут взяться настоящим людям? Привидения...

– А остальные? – спросил я. – Они как, тоже?...

– Что тоже? – поморщился Блатной. – Вон на берегу – Толька Шмаков. Сгорел он. Прямо в своем доме, по пьянке. Лет пять уж... А тот, что с Натальей прохаживается, это Коська, сосед мой бывший.

– Он жив?

Блатной помолчал.

– Зарезали его. Из-за нее, как раз, из-за Натальи... А знаешь, кто зарезал?

Я посмотрел в его усталые водянистые глаза.

– Здесь и встречаемся, – продолжал он, – только ты при них молчи, понял? Живые они...

– А девушка? – спросил я.

Блатной глядел на огонь.

– Чего ей делается? Баба. Да уж теперь и не такая она совсем... Эх, кореша мои! Мы с одной деревни все были... Ты Хозяину не говори, он их знает, еще скалиться будет...

– Как это – знает?

– Ну, знал раньше. Он тоже наш, быстровский. Только не любили его там...

– За то, что алкоголик?

– Да нет, кого там. Один он, что ли? Ну, стыдили, конечно, посмеивались. А он в ответ – погодите, мол, гады, попляшете скоро, посмотрим, кто шибче засмеется... Злоба у него на всех. Я так думаю, он не успокоится, пока не разнесет Быстровку по камушку. А там и за город примется, тоже не угодили ему чем-то...

– Погоди, – перебил я, – о чем это ты? Что он может сделать городу?

– А ты сны видал? Сходи во двор, посмотри...

– Но ведь это ваши сны! Хозяин снов не видит. Неужели он может заставить тебя напугать какую-нибудь гадость на деревню, где прошла вся твоя жизнь?

Блатной вдруг побагровел.

– Ты мою жизнь не цепляй! Кабы не Хозяин, я б давно в деревянный бушлат сыграл, понял? Вот тут она, моя жизнь, и не отымете, хрен! А на остальные мне наплевать! И тебе скажу – дурак ты, Пациент. Образованный шибко? Ну и радуйся, что такой случай выпадает! Чего тебе? Дворец мраморный? Получай. К звездам хочешь полететь? Пожалуйста, садись и мотай. Этим займись, как он..? Сексом. Доктор советует...

А будешь под Хозяина копать – спишу, понял? Ну и катись, раз понял, а то смена скоро...

Что-то вдруг резко ударило меня в спину. Едва успев заслонить рукой глаза, я полетел прямо в костер, но упал на пол в коридоре. За мной с грохотом захлопнулась дверь с чернильной надписью «Блатной».

– Что, поговорили? – произнес кто-то рядом.

Я поднял голову и прямо перед собой увидел длинного субъекта в очках, драных джинсах и вылинявшей куртке со следами многочисленных нашивок. Впрочем, на вид ему было лет тридцать, не меньше. Одну руку он прижимал к груди, осторожно придерживая что-то под курткой, другой же ухватил меня за плечо, помог подняться и, оглядевшись по сторонам, втолкнул в свою комнату.

– Будем знакомы, – сказал он, закрывая за собой дверь. – Студент. А вас как зовут?

Я назвал свое имя, но он только поморщился.

– Знаешь, я уже как-то привык по-здешнему. Кличку тебе дали какую-нибудь? Как? Пациент? Остряки! Ну, хорошо. Итак, Пациент, времени у нас в обрез. Судя по приему, оказанному тебе Блатным, ты предложил ему связать Хозяина и сдать в милицию, так?

– Хотел. Но не успел.

– Еще бы! Ну и что ты намерен делать дальше?

– А почему тебя это интересует?

– Меня это уже не интересует. Я это знаю не хуже тебя. Ты хочешь выкрасть у Хозяина препарат, который он нам дает, верно?

Я промолчал.

– Да не строй из себя «Подвиг разведчика»! У тебя же на физиономии все написано! Короче. Препарат у меня.

Он достал из-под куртки довольно вместительную металлическую фляжку с плотно завинченной крышкой. От фляжки исходил знакомый горьковатый запах жженого сахара. Студент нежно погладил ее и снова спрятал.

– Нужно доставить это в город. Вдвоем у нас будет больше шансов, может, и прорвемся. Ну как, согласен?

Я кивнул. Почему-то этот парень внушал мне доверие.

– Тогда иди вперед, – сказал он, – и если на лестнице никого нет, дай сигнал...

...Небо начинало понемногу светлеть, но в лесу еще было совсем темно.

– Куда мы идем? – спросил я, едва поспевая за Студентом, уверенно ныряющим в густой ельник.

– К тракту. Это самый короткий путь.

– Так ведь у меня же машина! По-моему, если добраться до нее...

Студент обернулся и посмотрел на меня, как мне показалось, виновато.

– Машины твоей, к сожалению... в общем, она пострадала.

– Как пострадала? Отчего? Откуда ты знаешь?

Он снова зашагал вперед.

– Откуда знаю? Во сне видел. Ты что, не в курсе? Мы потому и спим на крыше, что во сне как бы следим за всей окрестной территорией. Вот только то, что при этом происходит, к сожалению, совершенно не зависит от сознания. Снятся непременно какие-то кошмары. Однако неодушевленные предметы обычно не страдают... Так что эти твари напали на твою машину, видимо, случайно. Другое дело, если бы ты был еще в ней... Тебе Пациент, собственно, чертовски повезло, что на крыше сегодня был я и снился мне не Бог вещь какой кошмар. Конечно, встретить собственное живое отражение тоже достаточно неприятно, но оно, по крайней мере, хоть безобидно, не пускает – и все.

– Значит, ты меня видел тогда?

– Да, и, к твоему счастью, почти сразу проснулся. Хозяин выскочил, стал спрашивать, в чем дело, а потом пошел встречать.

– Но неужели никто до сих пор не заметил того, что здесь происходит?

– А снаружи ничего не заметно. Стоит выйти из некоторой зоны сна, и перестаешь видеть и слышать все, что делается внутри нее. Но это легко сказать: «стоит выйти», а на самом деле нам придется еще топтать и топтать, прежде чем мы выберемся на волю. Я сильно надеюсь, что будет переполох. Когда Блатной обнаружит на крыше сломанный топчан, на котором мы обычно спим, то, конечно, побежит к Хозяину. Пока они будут охать и материться, мы уйдем далеко...

Густой ельник сменился, наконец, чистым сосновым бором. Идти стало легче, кроме того, в лесу быстро светлело. Однако Студент не убавлял шага, по-прежнему озабоченно оглядываясь по сторонам. Я понимал, что беспокоит его – мы отошли еще недостаточно далеко от дома, слева поднимался склон все той же сопки.

– Послушай, Студент, – спросил я, – а почему ты все-таки решился выкрасть зелье у Хозяина?

Некоторое время он продолжают молча шагать.

– У Хозяина лютая злоба на весь род людской. А это, – он похлопал по карману, где лежала фляжка, – это единственный способ его остановить.

– Однако больше ни у кого из вашей компании почему-то не возникло желание его остановить.

– Ну, в компании я недавно. А кроме того, в отношении этого, как ты говоришь, зелья у меня есть свои планы.

– Планы? Что же ты собираешься с ним делать?

– Прежде всего исследовать. А если удастся, то и синтезировать. Я думаю, что под такое дело не жалко отдать половину Академии наук. Нужно научиться его производить...

– А зачем?

– А затем, чтобы потом раздать. Каждому.

Я посмотрел на него как на ненормального.

– Ты что, серьезно?

– Абсолютно.

– Но ведь это же все равно, что наркотик! Хуже наркотика Ты представляешь, что будет, если все начнут колотья твоим препаратом? И потом, куда ты денешь кошмары? Заповедник организуешь на тысячу двести койко-мест?

– Хотя бы. Но есть и другой способ.

– Какой?

– Постоянная подзарядка препаратом.

– Да неужели ты не понимаешь, к чему это приведет? Человечество просто выродится, расплзется по норам и тихо вымрет!

– погоди, – удивился Студент, – так тебе что же, так и не дали попробовать?

Я рассказал ему про Занозу.

– Ну, нет, – махнул он рукой, – это совсем не то. Понимаешь ты видел только маленький кусочек того, что там происходило. А на самом деле... Ну, ясно, в общем. То-то я смотрю, ничего ты не понимаешь... «Расплзется!», «Выродится!»... Ерунда. Наоборот, каждая комнатка увеличится до размеров Вселенной! Времени много – старости просто не существует, компания – какая хочешь. Скажешь, неинтересно без трудностей? Пожалуйста, трудностей сколько угодно, и главная из них – бедность собственного воображения. Так ведь с этой трудностью бороться – одно удовольствие! Кроме того...

Он вдруг умолк и схватил меня за руку. словно тяжелый вздох пронесся по лесу, и сейчас же из-под земли отозвался короткий глухой шум, как будто шевельнулась там какая-то гигантская масса.

– Что это? – прошептал я.

Студент не ответил. Он с тоской смотрел куда-то вдаль, и, казалось, ни на что больше не обращал внимания. Я понял – мы опоздали. Но как это могло случиться?

– Послушай, Студент! – закричал я. – А что если сейчас выпить зелье? Он опустил голову.

– Не поможет, нужно замкнутое пространство...

Прямо перед нами по тропинке вдруг поползли трещины, и земля вспухла бугром, будто огромный крот выбирался на поверхность. Уступая бешеному напору снизу, бугор быстро рос, пока, наконец, не превратился в конический холм в два человеческих роста высотой. Тогда на вершине этого гигантского нарыва образовался свищ, и струя темной, маслянистой жидкости ударила вверх.

Я с ужасом смотрел на крупные тяжелые капли, падавшие вокруг нас. Ударяясь о землю, они не разбивались, но начинали шевелиться, увеличиваться в размерах, выпускали пучок длинных, членистых ног и, поднявшись на них, медленно ковыляли в нашу сторону.

Когда некоторые из этих пауков достигали размеров стола, и стали видны их быстродвигающиеся челюсти, мы, наконец, очнулись и бросились бежать. Не разбирая дороги, я несся

следом за Студентом и боялся даже обернуться, чтобы, не дай Бог, не увидеть, как, уже выходящая над лесом, за нами гонятся пауки.

Неожиданно мы выскочили на небольшую поляну, в центре которой стояла толпа мохнатых двуногих существ. Скаля свои вытянутые, будто волчьи, пасти, они смотрели мимо нас, куда-то вглубь леса. Студент резко свернул в сторону, и мы снова углубились в чащу. «Да что же это такое, – в отчаянии думал я, – ведь не можем мы, в самом деле, сгинуть в этом кошмаре! Мы должны выбраться! Должны!» И я снова продираюсь сквозь ельник. «Должны выбраться!» – ныло в голове, и я перескакивал через поваленные стволы. «Выбраться!»

Путь нам преградил заросший кустарником овраг. Студент первым прыгнул с крутого откоса и скрылся в зарослях. «Назад!!! – раздался вдруг его вопль. – Назад, Пациент! Бег...» – и оборвался.

Со дна оврага поднялась, раздвинув листву, белесая бесформенная туша и медленно покатила прочь, оставляя в зарослях широкий коридор. «Выбраться», – прошептал я по инерции и тогда только понял, что Студента больше нет. Перед глазами поплыли круги, земля, вместе с оврагом, вдруг накренилась и бросилась мне навстречу...

... Я очнулся от солнечного света, пробивавшегося сквозь ветви сосен. В лесу было светло и спокойно, будто, все, что происходило здесь утром, в самом деле приснилось мне, а не этой сволочи Блатному, завалившемуся спать в нескольких километрах отсюда. Какие-то птички даже позволяли себе беззаботно щебетать.

Я приподнялся и заглянул в овраг. Кусты уже распрямились, и коридор, оставленный чудовищем, исчез. Никаких следов. Никаких, если не считать, что где-то там, на дне оврага лежит Студент.

Цепляясь за корни деревьев, я осторожно спустился вниз. Вот здесь он вошел в заросли. Да, здесь. Но сделал, вероятно, всего несколько шагов... Я вдруг увидел его. Нет, Студент, это был не сон. По крайней мере, для тебя... Рядом с ним лежала раздавленная фляжка. Никаких следов, подумал я. Никаких доказательств, никакой от меня пользы... Мне нечего нести дальше, нечего противопоставить слепой и страшной силе, подчиненной одному Хозяину.

Где-то недалеко в лесу хрустнула ветка. Господи! Неужели снова начинается? Я забрался поглубже в кусты и стал ждать. Долгое время все было тихо, затем послышались торопливые шаги, и на краю оврага, с ружьем наизготовку, показался Хозяин.

Он окинул взглядом заросли и стал быстро спускаться вниз. Наши следы были хорошо видны на глинистом откосе. Двигаясь по ним, Хозяин вошел в чащу и почти сразу наткнулся на Студента. Стараясь не пачкаться в крови и тревожно поглядывая по сторонам, он обошел его кругом. Я понимал, что Хозяина беспокоит отсутствие второго трупа, но страха не испытывал. Скорее наоборот, мне приходилось удерживать себя, чтобы не броситься на него с голыми руками.

Закончив осмотр, Хозяин снова приблизился к останкам Студента и поднял сплюсненную фляжку. «А, черт! – пробормотал он, – придется снова лезть!»

Я насторожился. Куда лезть? Не иначе как к источнику зелья! Что же, Хозяин, путь добрый. Поживи еще немного...

Вот уже два часа пробирался я вслед за Хозяином. За это время мы поднялись почти к вершине сопки. Отсюда было видно широкое лесное море и вдалеке – тракт с ползущими по нему грузовиками. Грузовики! Это что-то очень родное, что-то очень человеческое... А потому бесконечно далекое отсюда!

Хозяин вдруг пропал из виду. Он скрылся за небольшим обломком скалы и больше не показывался. Уж не заметил ли меня? Может быть, притаился и уже целится? Может быть. Но это ничего не меняет. Перебегая от камня к камню, я подобрался к тому месту, где он исчез. Хозяина видно не было, но зато обнаружился узкий лаз, ведущий куда-то под землю. Я стал осторожно протискиваться в него, стараясь поменьше шуметь. Лаз скоро расширился

и превратился в коридор, полого уходящий вниз. Впереди маячил свет, и я подумал сначала, что это факел Хозяина, но по мере продвижения вперед свет становился все ярче и приобретал явственный зеленоватый оттенок. Скоро его отблески заиграли впереди на стенах коридора, представлявших собой нагромождение плохо подогнанных каменных плит.

Журчание невидимых ручьев заглушало шаги, и, миновав поворот, я едва не наткнулся на Хозяина. Он стоял ко мне спиной, склонившись над каким-то предметом, лежащим у стены. Мне сперва показалось, что это длинный, туго набитый мешок.

Прижавшись к холодному каменному выступу, покрытому мелкой, полустертой вязью резьбы, я наблюдал за Хозяином. Он все стоял, слегка покачиваясь, и, казалось, не собирался прикасаться к мешку. И тут я понял, что это совсем не мешок. Хозяин, пихнув его ногой, вдруг заговорил:

– Лежишь? Сгнить давно пора, а ты все скалишься... Пятый ведь год в потолок смотришь, и все как заспиртованный... Чего ждешь-то? Чего после смерти маешься? Все равно не выйдет по-твоему, начальник. Никто сюда не придет, больно уж место потаенное. Такой только умник, как ты, и мог найти... А спользовать по уму – только такой, как я. Потому как дурак ты, начальник. Телок слюнявый. А я – Хозяин, ясно?

Зачем тебе камень вурдалачий? С рулеткой вокруг него ползать? Бумажки про него писать? А мне в нем толк! Я с ним такого наворочу!... Они узнают меня... Они у меня попляшут... Эх! Предлагал ведь я тебе, по-хорошему говорил... ведь голова-то какая! Мы бы вдвоем, да с камнем этим... Эх! А теперь вот и поговорить не с кем. Кому расскажешь?...

Хозяин махнул рукой и, продолжая что-то бормотать, поплелся дальше. Он был сильно пьян, но слова его не казались бредом. В них слышалась бесхитростная и оттого еще более жуткая правда. Я, наконец, смог хорошенько приглядеться. У стены, покрытой вырезанными в камне знаками, действительно лежал человек. На нем была старенькая штормовка и стоптанные сапоги, мертвые пальцы сжимали серую солдатскую шапку, в темных с проседью волосах запеклась кровь, блестящие глаза его, словно в терпеливом ожидании, глядели в потолок.

Кем он был? Почему Хозяин называет его начальником? Что за «камень вурдалачий» нашел он в этом подземелье? Не из него ли готовит Хозяин свое зелье?

Я понял, что скоро узнаю ответ, и снова осторожно двинулся вперед. Зеленоватое мерцание, освещавшее коридор, все усиливалось, и уже за следующим поворотом открылся овальный вход в залитый светом зал. Ползком приблизившись к нему, я выглянул из-за камня. Уродливые, ветвистые колонны, покрытые шипами и наростами, поддерживали изрытый трещинами свод, готовый, казалось, рухнуть в любую минуту. Хозяин стоял у противоположной стены пещеры перед большим ярко светящимся кристаллом, наполовину выступающим из толщи скал. Передняя грань кристалла была почти правильным квадратом в два человеческих роста высотой. Фигура Хозяина, резко выделявшаяся на ее фоне, превратилась в черный ломаный силуэт. Ладонь его легла на светящуюся поверхность, и сейчас же от нее побежали темные волны, свет ослаб, кристалл обрел глубину и прозрачность, и в этой зеленоватой глубине вдруг возникло огромное человеческое лицо. Я чуть не закричал – из кристалла на меня смотрел Студент.

Во взгляде его застыл ужас и безнадежное отчаяние, вероятно, таким было лицо Студента в момент гибели.

Хозяин долго смотрел на него, будто наслаждаясь любимым зрелищем, потом неторопливо снял со спины мешок и, усевшись на кучу камней, принялся его развязывать.

– Что, Студент, страшно? – проговорил он и, помолчав, с удовлетворением добавил: – Конечно страшно. Кому же не страшно помирать? Скотина, и та в страхе живет... А зачем побегал? Куда? Кормят ведь, не гонят и зелья дают – чего тебе еще? Знай свое место, сполняй, что прикажут, и будешь при дозе. Так нет – кинулся убежать, фляжку украл... надолго она тебе, та фляжка? Да еще парня с собой повел, отбиваться что ли хотели вдвоем? Вот и отбились.

А Пациенту твоему все равно не уйти, сам же за дозой вернется... Все дурнем меня считаете, ребятня сопливая! А вы у меня во где! Все здесь! Да что с тобой разговаривать – изображение одно, как хошь, так и поверни. Нету тебя, Студент! И следа нету! Эх, жалко, не видал я... Не я тебя кончал – помучился бы ты у меня!

Хозяин встал и снова приблизился к кристаллу, в руке у него была фляжка.

– Ну, давай, Студент. Поработай и ты. Дай зелья-то, ну! – Он уперся в кристалл, словно хотел вдавить его в стену. – Давай! Давай, ну!

Лицо Студента исказилось от боли, налилось кровью и вдруг зашлось в немом крике. Я почувствовал подступающую тошноту.

– Давай! Давай сильнее! – кричал Хозяин, голова его мелко тряслась. На поверхности кристалла появились крупные изумрудные капли, медленно стекавшие вниз. Хозяин принялся собирать их, подставляя фляжку.

Вот оно, зелье, подумал я. Вот откуда оно берется. Но что за нагромождение кошмаров? Кто изобрел этот чудовищный, тошнотворный способ добычи? Неужели он с самого начала был заложен в камне? Неужели этот человек, ползающий с фляжкой в дрожащей руке у подножия кристалла, превратился в зверя, ненавидящего род людской, под воздействием каких-то неведомых лучей, испускаемых «вурдалачьим камнем»? Нет, вряд ли. Ничего особо потустороннего нет в поведении Хозяина. Тупой, затаенной злобы хватает и в нашем мире.

Все больше капель выступало из невидимых пор на поверхности кристалла. Передняя грань его затуманилась, потеряла прозрачность, лицо Студента исчезло, только смутные тени металась в глубине.

Хозяин был поглощен сбором зелья, он уже не кричал, а что-то удовлетворенно бормотал под нос, встряхивая время от времени фляжку. Ружье лежало у стены довольно далеко, и я решил завладеть им. В обширной гулкой пещере еще громче разносилось журчание воды, надежно заглушая шаги, однако Хозяин, словно спиной почувствовав мой взгляд, резко обернулся и вскочил.

Несколько мгновений мы неподвижно стояли, глядя друг на друга. Каменное лицо Хозяина было лишено всякого выражения, только глаза, казавшиеся раньше выцветшими, светились теперь, будто капли зелья.

– Нашел-таки, – прохрипел он и, запустив вдруг в меня фляжкой, схватил ружье. Выбора не было. Я бросился к нему, перепрыгивая через валуны и зеленоватые лужицы. Хозяин дрожащими пальцами взвел курок и прицелился. Я хотел было прыгнуть в сторону, но неожиданно поскользнулся и полетел на землю. В ту же секунду грохнул выстрел, стены пещеры загудели, как от удара гигантским молотом, и принялись перебрасывать друг другу гулкие раскаты. С потолка посыпались камни, пол под ногами завибрировал, и вдруг огромная плита отделилась от стены и стала медленно крениться, круша колонны и закрывая светящийся кристалл. В быстро надвигающейся темноте замелькали падающие вокруг глыбы.

Я поднялся и, прикрывая голову руками, побежал обратно к выходу из пещеры. Воздух был наполнен пылью и каким-то едким густым туманом, но мне, к счастью, удалось сохранить верное направление. Я выбрался в коридор, когда потолок пещеры, потеряв опору, вдруг просел внутрь и рухнул, похоронив и чудесный кристалл, и владевшего им до сих пор Хозяина.

Коридор тоже оказался завален обломками, карабкаться по ним в полной темноте было ужасно тяжело и страшно. Взбираясь на каждый следующий камень, я боялся, что между ним и потолком не окажется зазора. А когда на другой стороне нужно было прыгать на землю, мне вдруг казалось, что передо мной пропасть. Грохот обвала, между тем, то ослабевал, то снова становился сильнее, заставляя дрожать пол и стены коридора.

Наконец, впереди показался свет – выход наружу был уже недалеко, завал тоже кончился. Я бегом понесся вперед.

Неожиданно змеистая трещина разорвала трубу коридора поперек чуть выше того места, где я находился, и нижняя часть вместе со мной стала со скрежетом опускаться. Я бросился к быстро задвигающемуся отверстию и едва успел, подпрыгнув, ухватиться за его нижний край. Пальцы с трудом цеплялись за скользкий камень, Все же мне удалось подтянуться и поставить ногу на какой-то выступ, но в этот момент огромная глыба рухнула с потолка где-то у самого выхода и, набирая скорость, покатила вниз, прямо на меня...

...Возвращение сознания было сюрпризом. Однако еще удивительнее было то, что вокруг меня стояли люди. Живые, настоящие люди. Правда, в одинаковых белых халатах и колпаках. И лежал я не в пещере и не в лесу, а в больничной палате. И времени прошло, оказывается, очень много...

Меня нашли сейсмологи. Они зафиксировали обвал и прилетели на вертолете взглянуть, что происходит и не требуется ли кому-нибудь помощь.

Помощь требовалась человеку со множественными переломами конечностей, обнаруженному у входа в небольшую глухую пещеру. Этим человеком был я. Каким образом мне удалось выбраться наружу – неизвестно, но все почему-то спрашивают об этом меня.

К счастью, все это давно позади. Профессор Константинов, дай ему Бог здоровья, срастил-таки мои множественные переломы, так что по земле я снова передвигаюсь, хотя и медленно, но самостоятельно.

В милицию я все-таки заявил. Был обнаружен труп Студента, разбитый «газик» и пепелище на месте дома Хозяина. Однако к моим показаниям следствие отнеслось весьма осторожно, принимая, вероятно, во внимание пошатнувшееся здоровье. Я все понимал и поэтому не настаивал.

Но вот недавно, ковыляя по нашей улице, я неожиданно встретил... Доктора. Он узнал меня, посочувствовал и, в конце концов, рассказал, чем кончилось дело.

Они, оказывается, почти сразу поняли, что произошло. Но дня три еще жили по заведенному режиму. Потом вдруг оказалось, что кошмары быстро слабеют, а затем и вовсе исчезают. Блатной, однако, нисколько этому не обрадовался. Он все искал у Хозяина запасы зелья, но обнаружил только спиртное. Пробовал заменить одно другим, но остался недоволен и однажды с горя подпалил дом. Пришлось разбежаться.

– Впрочем, – рассказывал доктор, – я недавно видел Занозу, то есть, простите, Светлану, в аэропорту. Она куда-то улетала, по-моему, с мужем... Представительный такой молодой человек...

– Доктор, – сказал я, – по этому делу велось следствие. Вы единственный, кроме меня, свидетель. Ваши показания все решат. Давайте сходим еще раз в милицию?

Вместо ответа он вынул из кармана карточку и протянул мне.

– Вот, возьмите мой адрес. Будет время – заходите на чаек... А показания... Показаний я, извините, не дам. Вы ведь на себе эту штуку не пробовали... Все это очень сложно. Очень лично. Человек не способен отказываться от этого по доброй воле, понимаете? Это его счастье. Счастье, каким он его себе представляет... Но в то же время это счастье пьяницы, счастье наркомана, когда удовольствие испытываешь один, не делишь его ни с кем, а на окружающий мир выплескивается вся грязь твоего тела и души... В общем, я рад, что вопрос закрылся сам собой. И как мне ни жаль Студента... А впрочем, прошу меня простить...

Доктор вздохнул, повернулся и медленно побрел прочь.

– Известно ли тебе, что много тысячелетий назад здесь стоял город?

– О да, Владыка! – кивнул Морок. – Насколько я знаю, он назывался Исчадом, и населяли его демоны – Заклинатели Неба.

– А теперь, – продолжал Владыка, – на этом самом месте свой город построили люди...

– Да, странное совпадение, – Стылый устремил на Владыку прищуренный взгляд горящих глаз.

– Но есть еще более удивительное совпадение, – сказал великан. – В этом городе люди собираются постичь устройство Вселенной. Ты понимаешь, что это значит?

– Тем же самым занимались здесь Заклинатели Неба... – задумчиво проговорил Морок.

– Вот именно! – подхватил Владыка. – Занимались, пока не убедились, что у Вселенной нет никакого устройства!

– Прошу прощения, – Морок с удивлением заглянул вглубь хрустального глаза Владыки. – Я, видимо, пропустил несколько важных веков... В каком смысле – у Вселенной нет устройства?

– Да в прямом! – зло ответил великан. – Ей все равно, какой быть, понятно? Вселенная, видишь ли, не мудрствует над мелкими деталями своего строения. Она предоставляет ломать голову тем, кто берется ее изучать. Тысячелетиями вся она умещалась в семи хрустальных сферах с плоской землей посередине, и это всех устраивало. Потом какому-то умнику из Заклинателей Неба пришлось в голову, что бесконечная Вселенная просторнее. Недолго думая, этот тип написал так называемую Истинную книгу и умудрился издать ее огромным тиражом. Новая теория приобрела всеобщую популярность, стала в самом деле почитаться за истину, и не успели мы глазом моргнуть, как пожалуйста – Четыре Кита и Семь Хрустальных Сфер превратились в досадный предрассудок древности, в миф, не имеющий никаких реальных оснований... А теперь представь, что будет, если новую Истинную книгу напишут люди! Со своим дурацким материализмом они просто не допустят существования того, что недоступно их пониманию. Если они напишут, да еще на Истинном языке, что нечистой силы не бывает – ее не будет! Вот в чем заключается угроза для всех нас.

– Но люди не знают Истинного языка, – возразил Морок.

– На наше счастье, пока не знают, – согласился Владыка. – Так вот, извольте ли видеть, приспичило им строить город как раз над развалинами Исчада, где разговаривали как раз на Истинном! Черт знает, чего не лежит здесь в земле! Черепки с дарственными надписями, вывески, идиотские скрижали с бездарными законами, могильные плиты, исписанные сверху и снизу – словом, всякая дрянь, порожденная всеобщей грамотностью и повальным кретинизмом Заклинателей. И вся эта заборная литература написана на Истинном языке! А ведь его выучить – раз плюнуть! Он сам в рот просится...

– А что если нам самим сделать надпись на Истинном языке? – предложил вдруг Стылый. – Написать, что людей не бывает – и все тут!

– А ты в это веришь? – великан горько усмехнулся. – Ничего не выйдет, дружок. Ложь нельзя сделать Истиной. Беда в том, что мы з н а е м о существовании людей, а они в нас только в е р я т. Или н е верят. Тут можно повернуть и так и этак. Понимаешь?

– Еще бы!

– Прекрасно. Вот ты этим и займешься.

– Чем – этим? – не понял Морок.

– Ты что, мозги в могиле отлежал? – Владыка командовал когда-то полусонмом духов и сохранил с той поры манеру шутить по-военному. – Твоя задача, Стылый – поддерживать в людях твердое убеждение, что сила Тартара или, как они говорят, нечистая сила, реально существует. Чем больше людей будет верить в это, тем больше нашего народа поднимется из земли. Когда-нибудь нас будет столько, что людям придется потесниться на их дурацкой шарообразной планете. Если, конечно, Тартару будет угодно оставить кого-то из них в живых...

1976. Накхта

Снизу листья кувшинок кажутся черными, парящими где-то высоко в небе, совсем рядом с облаками. Если подняться туда, к ним, можно потрогать облако. Наверное, оно сухое и шершавое, как вафельное полотенце...

Подниматься не хотелось. Наташа лежала на дне, заложив руки за голову, и глядела в небо. На самом деле оно очень глубокое. Как океан, даже глубже. Там совсем нет дна. Так говорит Игорь, а он знает все. Ну, пусть не все, но его так приятно слушать и кивать, будто все-все понимаешь. Астро-номия. Архео-логия...

Наверное, он считает меня дурой, подумала Наташа. Красивой деревенской дурой. Только и радости, что красивая... Выбралась, скажет, дитя природы с таежной заимки и сразу – в столицу науки. Ох, до чего же он у меня умный! У меня...

Наташа улыбнулась, обронив из уголка губ несколько воздушных пузырьков. Они наперегонки понеслись вверх – к облакам. Пожалуй, пора возвращаться. А то Мхат опять ворчать будет. Наташа легонько оттолкнулась от илистого дна и поплыла, изгибаясь с лентой, пропускающая сквозь тело змеиные волны.

У самого берега, в тени нависающих над водой кустов боярышника, Наташа осторожно вынырнула. На нее сразу обрушилась трескотня воздушных, совсем не похожих на подводные, звуков. В кустах что-то щебетало на разные голоса, из лагеря доносился визг пилы и пение транзистора. На берегу никого не было видно. Можно выходить.

Наташа ухватила за куст, подтянулась и села на край обрывистого бережка, поросшего мягкой муравой. С этими мужиками нужно держать ухо востро. Что за дурацкая привычка подглядывать из кустов? Ей-то, конечно, наплевать, смотрите, сколько влезет, только не сочиняйте потом, чего не было. Но ведь будут врать и хвастаться друг перед другом, а Игорю это неприятно...

Однако заставить себя плавать в купальнике Наташа не могла. Дурацкая тряпочка мешала ей в воде, давила, душила, ее хотелось немедленно сбросить. Она так и сделала, когда в первый раз пошла купаться в большой компании археологов, после чего имела неприятный разговор с шефом о моральном облике поварахи советской археологической экспедиции. В чем-то он был прав. Универовские мальчишки, просидевшие неделю на перловом концентрате, не заслужили такого жестокого испытания. Нагая Наташа была слишком ярким зрелищем для ребят, лелеявших в памяти голые коленки своих однокурсниц, только начинавших носить короткие юбки. В ту же ночь Наташе пришлось отбивать несколько откровенных атак и утешать парочку безнадежно влюбленных. Но Игорь...

С ним все получилось как-то само собой. Он не вздыхал, тупо глядя в костер или поднимая глаза к звездам, не пытался подкараулить за палаткой, чтобы обаять первобытным напором. Он и не думал скрывать, что Наташа ему нравится, не выпрашивал и не требовал любви, а вовлекал в нее, как в захватывающее приключение. Но это было не приключение. Он любил ее и считал своей вовсе не с того шального массового купания, а с первой минуты знакомства, с первой встречи в коридоре Истфака.

С ним было интересно, он был романтик, но не рохля, выдумщик, но не врун. С ним она готова была часами перебирать черепки, бегать с нивелиром и рулеткой и даже решать задачи по геометрии – он умел и перпендикуляры рисовать какие-то чертовски симпатичные, а уж рассказывал о них так горячо и так понятно – прямо заслушаешься. Впрочем, она любила его слушать и тогда, когда он, забывшись, углублялся в дебри стратиграфии и радионуклидного анализа. Даже не понимая ни слова, она погружалась в его голос и плавала в нем так легко, что хотелось сбросить одежду. Этим и заканчивалось. Они уходили в лес и любили друг друга

в траве на поляне, на опавшей хвое под черными елями, забравшись на огромную узловатую сосну с обломанной вершиной и даже катаясь голыми в крапиве – для остроты ощущений.

Но не в воде. Она до сих пор не решалась показать ему все, на что способна. Нет, нельзя! Во-первых, он сразу все про нее поймет. А во-вторых, вряд ли выживет... Иногда они ходили купаться вместе, но Наташа сразу уплывала подальше, чтобы ему не пришлось в голову прикоснуться к ней, обнять, прижать к себе. Потому что все это кончится плохо. Вспышка безумия, кипящая ключом вода, и два тела в свирепом восторге растворения друг в друге. Полное забвение – нет ни верха, ни низа, ни времени. Ни желания глотнуть воздуха. В его жизни это будут самые счастливые мгновения. Но последние. И она ничем не сможет помочь, потому что тоже не будет помнить себя.

– Нет! – Наташа мотнула головой, разбрасывая капли с волос. – Не такой ценой...

Ее синий рабочий комбинезон лежал на прежнем месте. Тут же на ветке висел и ненужный купальник. А вот это уже подозрительно. Она хорошо помнила, что, входя в воду, бросила его, не глядя, через плечо, теперь же он был аккуратно и даже любовно развешан, будто на просушку. Значит, опять подглядывают, паразиты! Интересно, кто на этот раз? Если Вовка или Мишка, то не страшно, они ребята свои, не трепачи, просто оголодали в тайге. Но если это Рогачев, зам по обеспечению... Та еще сволочь. Любит корчить из себя большого начальника, а как подохнет хорошенько, начинает хвалиться своими похождениями по бабам. Добро бы еще про посторонних врал – нет, надо ему приплести общих знакомых. Игорь ему один раз врезал за это. Тот наутро сам пришел извиняться, дескать, был пьян, получил за дело, понимает. Но злобу все-таки затаил...

Наташа торопливо впрыгнула в купальник, повязала косынку и принялась натягивать комбинезон. До чего же падок мужик в экспедиции на все, что в юбке, а особенно – без. От свежего воздуха, что ли? И куда это все в городе девается? Видно, жены действуют остужающе.

Завязывая ботинок, она вдруг почувствовала, что за спиной кто-то есть, и оглянулось. По тропинке, крадучись, приближался плотный усатый дядька в кителе без погон, галифе и резиновых сапогах. Наташа вздохнула. Все-таки это он подглядывал, козел драный! Рогачев понял, что обнаружен, и сейчас же изобразил уверенную деловитую походку, отчего стал походить на клоуна, размашисто выходящего на арену цирка. За актерские замашки и подходящее имя-отчество ребята на Истфаке окрестили его Мхатом.

– О! Соловьянова! – ненатурально удивился он. – Ты чего здесь делаешь?

– Грибы собираю, – буркнула Наташа.

Рогачев криво усмехнулся.

– Приказа не знаешь? До конца рабочего дня из лагеря выходить только по производственной необходимости!

– А я как раз по производственной.

Наташа завязала второй ботинок и выпрямилась, смерив начальника холодным зеленым взглядом сверху вниз. Глянцевая лысина Рогачева едва ли доставала ей до подбородка. Метр с кепкой, а туда же...

– Ну-ка, ну-ка, интересно, – не отвязывался Рогачев. – Что же это за необходимость такая?

– Говорю же, Константин Сергеевич, грибы собирала. На суп.

Рогачев рассердился.

– Да что ты мне голову морочишь?! Что я, не видел... – он вдруг сообразил, что проболтался и бездарно изобразил приступ кашля. – Кха! Кхм!... Что я, не знаю, что ли? Шашни крутишь в рабочее время, Соловьянова! Разлагаешь мне экспедицию! Да еще врешь в глаза! Где они, твои грибы? Покажи!

– Вот, – Наташа наклонилась и подняла из травы полное лукошко подосиновиков.

Начальник осекся.

– Это... как это? Откуда?!

А ведь он, подлец, от самого лагеря следил, подумала Наташа. Знает, что никакого лукошка не было.

– Пойду я, Константин Сергеевич. Обед варить пора...

Она попыталась обойти грузную фигуру Рогачева, но тот уже оправился от шока и удержал ее за руку.

– погоди, Наталья. Куда грибы-то?

– В суп. Не все же людям концентратом давиться!

– Ты мне не потрави экспедицию! – Мхат изобразил на лице юмористическую ухмылку.

– Я вам на пробу принесу. Первому, – отшутилась Наташа.

– Вот! Правильно. Заходи! – оживился начальник. – А то никакого от тебя внимания руководству!

Он попытался притянуть Наташу к себе, играя нахлынувшую страсть, но тут у него за спиной вдруг громко хрустнула ветка. Рогачев живо убрал руки и обернулся. Поблизости никого не было.

– Кто тут? – строго спросил зам, обращаясь к соседнему кусту. – Выходи, выходи! Вижу! Но куст никак не отреагировал на разоблачение. В лесу было тихо.

– Вот черти! – Рогачев снова повернулся к Наташе. – Признавайся, Соловьянова, с кем... – начал было он и замолк.

Наташа исчезла.

– Номер двенадцать сорок четыре, – продиктовал Миша.

– Айн момент! – Вовка, перелистнув страницу амбарной книги, живо разлиновал ее на четыре разновеликие колонки и радостно прицелкнул языком. Глаз – алмаз!

– Какой, говоришь, номер?

– Двенадцать, сорок четыре. Раскоп «Нижние Елбаны», участок девять, слой четыреста – четыреста пять, сооружение – «погреб».

– ... Погреб... – повторил Вовка, занося в книгу. – Дальше!

– А дальше – сам, – Миша положил на стол перед ним глиняный черепок. – Трудись, археолог! Описывай.

Миша был на курс старше Вовки и в полях второй раз. От этого он чувствовал себя слегка на преподавательской работе. Впрочем, Вовке и самому нравилось постигать азы под мишиным руководством. Доцентов он пока стеснялся, не хотелось блистать дремучестью перед настоящими учеными.

– Так, – деловито начал Вовка. – Имеется черепок...

– Не черепок, а фрагмент керамики!

– Да понятно, понятно! Фрагмент керамики, треугольной формы, предположительно – от сосуда невыясненного назначения.

– погоди ты с назначением, – остановил его Миша. – Материал-то какой?

– Материал? Ну... глина.

– Какая глина? Обожженная, высушенная? Красная, белая,?

– По-моему, она... коричневая, – неуверенно сказал Вовка.

– По-моему! А еще математик! Пиши: «Красно-желтая ленточная керамика, обработанная на легком круге... сурмленная глазурью... то есть, тьфу, глазурованная сурьмой...»

– Сурмленная... – хмыкнул Вовка, записывая. – Сурмленные брови бывают. Как у Наташки...

– Не выдумывай, чего не знаешь, – поморщился Миша. – Сроду Наташка не красилась! Да и ни к чему ей.

– А я и не говорю, что красилась. Просто у нее брови такие... – он поводит пальцем по лбу, изображая две высокие дуги, и вздохнул. – Не пойму я, чего она в этом Дементьеве нашла? Только что умный...

– Он, между прочим, КМС по боксу, – заметил Миша.

– А при чем тут это?! – досадливо поморщился Вовка.

– Совершенно ни при чем, – согласился Миша. – Просто не говори потом, что я знал и не предупредил...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.